

Львова

БОСС

это (не) интервью

Елена Львова

Босс, это (не) интервью

«Автор»

2026

Львова Е.

Босс, это (не) интервью / Е. Львова — «Автор», 2026

Когда твой школьный обидчик возвращается в твою жизнь не мальчишкой с дурным характером, а взрослым, богатым и слишком уверенным в себе директором завода, приходится быстро выбирать: снова расплакаться и сбежать или показать ему, как сильно он ошибся. Всё бы ничего, но в дело вмешиваются любовь, химия, от которой не спрятаться, и наглый ворон Крош.

© Львова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Андрей	5
Глава 2 Валерия	10
Глава 3 Андрей	15
Глава 4. Валерия	20
Глава 5. Андрей	25
Глава 6. Валерия	29
Глава 7. Андрей	34
Глава 8. Валерия	38
Глава 9. Валерия	43
Глава 10. Валерия	47
Г	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Босс, это (не) интервью

Глава 1 Андрей

— Я не собираюсь сниматься в этом цирке.

Я говорю это, не поднимая головы от отчёта, и ставлю подпись на последней странице так, словно подписываю кому-то приговор. Хотя, если честно, в данный момент я с удовольствием подписал бы приговор всей нашей пиар-службе.

— Это не цирк, Андрей Анатолич, — ровным голосом отвечает Виктор Аркадьевич.

Именно таким голосом обычно сообщают: либо налоговая на проходной, либо пожар в цехе номер три. Сегодня у Виктора Аркадьевича лицо человека с благой вестью, а у меня стойкое ощущение, что это подстава.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на него поверх очков.

— Тогда что это?

— Имиджевый фильм.

— Ещё хуже.

Виктор Аркадьевич не улыбается. Он делает это редко: когда кто-то увольняется по собственному или когда банк наконец соглашается на вменяемые условия.

— Мы уже обсуждали это, — напоминает он. — Партнёры из Самары приедут через месяц. Им нужен не только завод, Андрей Анатолич. Им нужна история. Лицо. Понимание, кто стоит во главе компании.

— Пусть посмотрят на ёмкости, цеха и лабораторию. Этого достаточно.

— Для вас — возможно. Для них — нет.

На слове «для вас» он делает микроскопическую паузу, и мне сразу хочется его уволить. Исключительно в воспитательных целях. Но я этого не делаю. Потому что Виктор Аркадьевич прав. А я терпеть не могу, когда другие люди оказываются правы по неудобным мне вопросам.

На улице гудит погрузчик. За стеклом серое мартовское утро, мокрый асфальт, трубы, ангары, пар, люди в спецовках. Нормальная, живая картина. Моя. Без камер, красивых слов и попыток выдать производство моторных масел за историю о вдохновении.

Это завод. Здесь всё должно работать.

Я перевожу взгляд на папку у него в руках.

— Что именно вы хотите?

— Небольшой документальный фильм. Производство, команда, ваш путь, ваш подход.

— Нет.

— Андрей Анатолич...

— Я сказал: нет.

Он всё же кладёт папку на стол. Медленно. Как хирург, который знает, что пациент всё равно не сбежит с операционного стола.

— Вы можете отказаться, — спокойно говорит он. — И тогда через месяц вы сами будете объяснять, почему конкурент, у которого долгов по горло и продукция хуже нашей, выглядит в глазах партнёров живым, современным и понятным, а мы — как завод из девяностых, где все разговаривают только цифрами.

Я смотрю на него.

Он смотрит на меня.

Ненавижу содержательные взгляды с утра.

— Вы закончили? — спрашиваю я.

— Почти. Я уже связался с агентством.

Я прищуриваюсь.

— Без моего согласования?

— С предварительным запросом. Финальное решение — за вами.

— Щедро.

— Я стараюсь.

Это уже дерзость. Очень аккуратная, канцелярски стерильная, но всё-таки дерзость.

Я беру папку, раскрываю. Внутри — стандартная презентационная каша: этапы, концепция, возможные форматы, сроки, «эмоциональное вовлечение аудитории». Последнее словосочетание вызывает у меня почти физическую боль.

— Я не хочу, чтобы по территории болталась толпа креативных идиотов с камерами, — говорю я. — Мне нужен один вменяемый человек. Максимум двое. Без постановочного бреда, без дронов над резервуарами, без вопросов в духе «что вас вдохновляет по утрам».

— Согласен, — кивает Виктор Аркадьевич. — Поэтому я и предлагаю не брать случайного подрядчика, а найти сильного автора.

Я медленно поднимаю на него глаза.

— Какого ещё автора?

— Журналиста. Или документалиста. Того, кто умеет делать живой материал.

— Живой материал — это обычно завуалированное название для неприятностей.

— Не всегда.

— Всегда.

Он понимает, что перегнул с убеждением, и плавно переводит тему:

— Можно подключить ваши связи.

На этом месте я наконец откладываю папку в сторону и медленно снимаю очки. Протираю переносицу там, где они за полдня успели врезаться в кожу. Смотрю на Виктора Аркадьевича в упор.

— Вы сейчас всерьёз предлагаете мне искать себе журналиста?

— Вам проще выбрать человека, который не будет раздражать с первой минуты.

— Таких не существует.

— Значит, хотя бы с пятой.

У меня вырывается короткий смешок, как констатация факта. Виктор Аркадьевич воспринимает это как сигнал, что лёд тронулся, и добивает:

— Если хотите, я попрошу Варю собрать список.

— Нет.

— Тогда?.. — Он разводит руками, изображая готовность принять любое решение, но в глазах уже читается: выбор всё равно будет в пользу того, кто ему нужен.

Я машинально тянусь к телефону. И в этот момент в приоткрытое окно врезается чёрная тень.

— Твою мать.

Крош приземляется на подоконник с таким видом, будто офис принадлежит ему, а я здесь просто временно арендую воздух. Он встряхивается, расправляет крылья и смотрит на меня одним глазом — чёрным, блестящим, нахальным. В клюве у него что-то блестящее. Судя по выражению лица Виктора Аркадьевича (лёгкая гримаса, как при зубной боли), это снова нечто из административного корпуса.

— Уберите его, пожалуйста, — сухо произносит тот.

— Это не я его сюда принёс. — Я даже не поворачиваюсь к нему, продолжая следить за птицей.

Крош важно проходит по подоконнику, перелетает на шкаф, роняет оттуда металлическую зажигалку и замирает с видом человека, которому должны аплодировать.

— Где ты это взял? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

Крош коротко и уверенно каркает, без тени смущения.

— Он опасен, — цедит Виктор Аркадьевич. Теперь в его голосе проскальзывает что-то похожее на искреннюю тревогу. Что забавно: кредиты, налоги, просрочки поставок — это у него лицо каменное. А птица выводит из себя за десять секунд.

— Он птица.

— Он вор.

Я поворачиваюсь к нему, позволяя себе короткую усмешку.

— Это тоже не уголовная статья в его случае.

Крош снова каркает, явно поддерживая меня. Или просто требует внимания. С ним никогда не угадаешь.

— Ладно, — говорю я, поднимая телефон и жестом показывая, что разговор на этом закончен. — Я сам разберусь.

На этой мирной ноте Виктор Аркадьевич забирает свою папку и выходит — бесшумно, как человек, который всегда оставляет за собой право вернуться с новым аргументом. Я смотрю ему вслед, потом перевожу взгляд на Кроша.

— Доволен?

Он поворачивает голову набок — сначала одним глазом, потом другим. Словно оценивает, насколько я сегодня пригоден к человеческому общению.

— Не начинай, — предупреждаю я.

Крош перелетает на стол, делает два важных шага к папке и с явным интересом клюёт слово «вовлечение».

— Вот и я так думаю, — говорю ему.

Телефон в руке уже открыт на списке контактов. Я пролистываю пару фамилий, задерживаюсь на одной, пролистываю дальше. Потом всё же возвращаюсь и нажимаю вызов.

Костя отвечает не сразу.

Потом в трубке звучит бодрый голос:

— Если ты звонишь занять денег на очередной проект, то нет.

— И тебе доброе утро. — я подхожу к окну, приваливаюсь плечом к косяку. — Мне нужен журналист.

Пауза.

А потом смех. Костя смеётся так, будто я рассказал лучший анекдот года.

— Всё. Мир треснул. Андрей Барский добровольно ищет журналиста.

— Костя.

— Ладно-ладно. Тебе для чего?

— Для фильма о заводе. Нужен кто-то вменяемый. Без истерик, дешёвых сенсаций и любви к слову «резонанс».

— То есть человек, который умеет задавать неудобные вопросы и не превращает всё в базар?

— Да.

— Есть одна. — Костя делает короткую паузу. — Валерия Савельева.

Имя мне ни о чём не говорит.

— Кто это? — переспрашиваю я.

— Журналистка. Умная. Спокойная. Не липнет к статусу, слушать умеет, материал чувствует.

— Слишком хорошо звучит. Где подвох?

— В том, что она выдержит тебя дольше десяти минут.

Я усмехаюсь в стекло.

— Сомневаюсь.

Костя хмыкает с лёгким превосходством человека, который знает что-то, чего не знаю я.

— А я нет. Она не из тех, кто пытается понравиться. Для тебя это уже подарок.

Мне это не нравится ещё больше.

— Контакт скинешь?

— Скину.

Я сбрасываю вызов, не прощаясь.

Телефон тут же вибрирует: **Валерия Савельева. Не облажайся.**

Я несколько секунд смотрю на экран. Имя ничего мне не говорит. Ни одной ассоциации.

Крош коротко каркает.

— Вот и я о том же, — отвечаю ему.

Я нажимаю вызов, прежде чем успеваю передумать.

Трубку берут не сразу. Один гудок, второй. Я уже почти готов сбросить, когда на том конце раздаётся щелчок.

— Алло?

Голос спокойный, низкий, собранный. И почему-то смутно знакомый — как отзвук чего-то старого, давно забытого.

Я мотаю головой, отгоняя непрошеное чувство.

— Доброе утро. Валерия Савельева?

— Да.

— Андрей Барский. Вас рекомендовал Константин Громов.

На том конце короткая пауза. Едва заметная, но я её отмечаю.

— Слушаю.

— Хотел бы встретиться с вами и обсудить одну рабочую задачу. Вы свободны сегодня во второй половине дня?

Вторая пауза длится чуть дольше первой.

— Для обсуждения задачи? — уточняет она.

— Именно.

— Хорошо. Во сколько?

Я называю время.

— Адрес пришлёте?

— Моя помощница отправит.

— Тогда до встречи, Андрей.

В её интонации нет ничего особенного. Голос ровный, деловой. Ничего лишнего. Но почему-то после звонка в кабинете становится теснее.

Я кладу телефон на стол и несколько секунд молча смотрю в окно.

— Что? — спрашиваю я у Кроша, оборачиваясь.

Крош переступает лапами по столу и смотрит на меня без малейшего уважения.

— Нет, мне тоже не понравилось это ощущение.

Птица склоняет голову набок.

— Это работа. Обычная работа, — говорю я уже скорее себе, чем ему.

Крош каркает.

Так выразительно, так многозначительно, что я начинаю подозревать: в следующей жизни он был очень ехидным бухгалтером.

Я провожу рукой по лицу и возвращаюсь за стол.

* * *

К четырём часам я успеваю провести планёрку, подписать два договора, поставить на место начальника транспортного отдела, посмотреть новую линейку канистр для весеннего запуска и трижды пожалеть, что вообще согласился на эту затею.

Варя, моя помощница, заносит документы и осторожно напоминает:

— Андрей Анатольевич, через десять минут у вас встреча с журналистом.

— Я помню, — не поднимая головы, отвечаю я.

— С журналисткой, — уточняет она. И делает едва заметную паузу, прежде чем добавить:
— Валерия Савельева.

— Я всё ещё помню.

— Виктор Аркадьевич просил передать, что он тоже...

— Нет.

— Я так и сказала, — вздыхает Варя. И по её вздоху я понимаю, что она даже не пыталась спорить. Умная женщина. За это я её и держу.

Я смотрю на часы, потом на отражение в стекле. Галстук на месте. Пиджак на месте. Лицо, к сожалению, тоже на месте — такое же, какое было с утра. То есть не располагающее ни к кино, ни к доверию.

Отлично. Пусть не будет иллюзий.

Крош исчез куда-то после обеда, и это, пожалуй, единственная хорошая новость. Хотя, зная его, он просто выжидает. Скорее всего, появится в самый неподходящий момент — у птицы абсолютный талант к драматургии.

В дверь стучат.

— Да.

— Андрей Анатольевич, к вам Валерия Савельева, — говорит Варя из приоткрытой двери.

— Пусть войдёт.

Я встаю автоматически. Скорее по привычке, чем из вежливости. Обхожу стол, поправляю запонку — тоже на автомате. Поворачиваюсь к двери.

Сначала я вижу только силуэт в проёме: светлое пальто, папка, распущенные волосы, спокойная осанка человека, который не собирается никого впечатлять. Потом она делает шаг внутрь, и время вдруг ведёт себя очень странно.

Как будто кто-то на секунду выдёргивает из комнаты воздух.

У меня на секунду сбивается дыхание.

Женщина передо мной уже не имеет ничего общего с девочкой, которую я должен был бы помнить только как бледную школьную тень на задних партах. Кроме глаз.

Вот глаза — те же.

Прямой взгляд. Спокойный. Чуть насмешливый. И всё тот же раздражающий эффект, будто мне снова пятнадцать и я сказал что-то не то.

Она останавливается в двух шагах и протягивает руку.

— Добрый день. Валерия Савельева.

И только в этот момент меня накрывает окончательно.

Не просто журналистка.

Лера.

Лерка-Туман.

Туманова.

Девочка из прошлого, которую я меньше всего ожидал увидеть здесь. И, если совсем честно, которую я, кажется, так до конца и не забыл.

Я смотрю на её руку чуть дольше, чем положено. Поднимаю взгляд и понимаю: она меня тоже узнала.

Кабинет вдруг становится слишком маленьким. Воздуха не хватает.

А Крош, конечно, выбирает именно этот момент, чтобы бесшумно приземлиться на шкаф и каркнуть — коротко, как смешок.

Глава 2 Валерия

Смотрю на входящий звонок с незнакомого номера. Ну нет. Что еще сегодня мне не впаривали? На ноутбуке открыт недописанный текст, рядом остывает кофе, и я совсем не готова тратить время на чужие «сказочные предложения». Обычно такие звонки сдаются после трех гудков, а этот, зараза, нет. Я беру трубку.

— Аллю?

Мужской голос в трубке звучит спокойно и собранно. Сразу понятно, что это не продажа очередной бесполезной услуги.

— Доброе утро. Валерия Савельева?

Я машинально выпрямляюсь.

— Да.

— Андрей Барский. Вас рекомендовал Константин Громов.

Телефон чуть не выскальзывает у меня из руки.

Это происходит буквально на мгновение: пальцы слабеют, сердце делает кульбит, в животе резко пустеет, как перед экзаменом. Я ловлю аппарат, упираюсь локтем в стол и успеваю ответить до того, как тишина станет подозрительной.

— Слушаю.

Слава Богу, голос меня не выдает. Звучит строго и уверенно.

Барский.

Андрей Барский.

Нет, ну кто же еще. Самое время объявиться мужчине, которого я больше десяти лет старательно задвигала туда, где ему и место.

Я смотрю в окно и стараюсь дышать ровно, пока в трубке продолжается его голос.

— Хотел бы встретиться с вами и обсудить одну рабочую задачу. Вы свободны сегодня во второй половине дня?

Рабочую задачу.

Нормальные слова. Обычно они вызывают у меня неподдельную радость. Но сейчас получились спецэффекты, будто кто-то тихо открыл дверь в комнату, которую я давно считала заколоченной.

Я заставляю себя не молчать.

— Для обсуждения задачи? — уточняю я.

Боже! Какой же идиотский вопрос я задала. Я зажмуриваюсь и трясую кистью. Разумеется, для обсуждения задачи. Не для совместной же встречи с психологом по разбору школьных травм в кабинете у владельца завода.

— Именно, — отвечает он.

И к этому «именно» тоже не придаться. В трубке голос человека, который звонит журналистке по делу.

Либо он меня не узнал. Либо узнал, и ему все равно. Оба варианта мне одинаково не нравятся.

— Хорошо, — говорю я. — Во сколько?

Он называет время. Я записываю адрес на обратной стороне распечатки с чужими правами, механически киваю, хотя он этого не видит, а он обещает, что детали пришлет помощница.

— Тогда до встречи, — произносит Барский.

— До встречи.

Когда связь обрывается, я еще несколько секунд держу телефон у уха.

Потом аккуратно кладу его на стол, как будто это не телефон, а хрустальная туфелька, которая может разбиться от лишнего движения. И сижу, глядя на свое кривое отражение в черном экране.

Барский.

У меня неприятно покалывает кожу на затылке, а живот сжимается и не разжимается. Не остро — не так, чтобы согнуться пополам, а именно глубоко, тупо, изнутри. Как будто какое-то предчувствие, но вот какое...

Я хожу по кухне, делаю два круга, возвращаюсь к столу, беру телефон и набираю Киру.

Если в мире и есть человек, который слышал от меня про Андрея Барского больше, чем мне хотелось бы признать, то это она.

— Что случилось? — спрашивает Кира вместо приветствия.

— Почему ты решила, что что-то случилось?

— Потому что ты звонишь мне в рабочее время. А это уже подозрительно... у тебя же принцип — на работе только работа

— Кира, какая работа? У меня тут такое!

— Таак, заинтриговала. Такие эмоции. Рассказывай быстрее.

Я сажусь на край стула.

— Мне только что звонил Андрей Барский.

На том конце короткая тишина. Потом:

— Да ла-адно? Тот самый Барский?

— Да. Кира, это кошмар. У меня до сих пор руки трясутся.

— А хотел то чего?

— Какой-то проект хочет мне предложить, как журналисту. Он меня не узнал даже, как мне показалось.

Кира молчит секунду, потом слишком спокойно спрашивает:

— И что ты ответила?

— Согласилась сегодня встретиться. Обсудить рабочую задачу.

— И ты пойдешь? Может это стеб какой-то опять?

— Слушай, столько лет прошло. Он директор большого завода... Вряд ли.

Она хмыкает.

— Ну не знаю... Люди не меняются. Хотя, сходи, интересно даже. Говорят, от ненависти до любви...

— Кира!

Я смотрю на свое отражение в стекле: волосы собраны кое-как, футболка мятая, на щеке след от руки. Очень хорошо. Именно так и выглядит женщина, которую прошлое точно не трогает.

— Лер, — говорит Кира уже мягче, — он не школьник. И ты не девочка.

— Я знаю.

— Тогда езжай как взрослая женщина. Если он начнет вести себя как придурок, встанешь и уйдешь.

Я выдыхаю через нос.

— Спасибо за этот содержательный стратегический план.

— Всегда пожалуйста. — говорит Кира. — обязательно позвони потом.

— Хорошо.

После разговора я еще секунд десять стою с телефоном в руке, потом иду собираться.

И вот тут меня встречает самая распространенная женская проблема — надеть нечего.

Нет, шкаф, как водится, забит до отказа, но проблему это не решает. Нужно же с первых секунд произвести впечатление, как учили, правило трех секунд. Но какое впечатление? Лера, ты к красивым или к умным? Мамочки, ну что надеть то?

Я вытаскиваю черное платье и тут же отбрасываю. Слишком явно стараюсь к красивым. Белую рубашку — слишком к умным. Мягкий джемпер — слишком по-домашнему. Бежевый жакет или брючный костюм цвета шампанского?

Я стою в белье посреди комнаты и злюсь. На Барского. На Киру. На себя. На то, что мне, тридцатилетней женщине, вообще приходит в голову мысль, что цвет костюма может что-то значить.

— Абсолютно нейтрально, — бормочу я, вытаскивая блузку.

И тут же хочется закатить глаза. Потому что, если ты подбираешь «абсолютно нейтральный образ» для встречи с заказчиком, значит, все уже пошло не по плану.

Я надеваю блузку. Снимаю. Надеваю другую. Снова снимаю. Убираю волосы в хвост, тут же распускаю, собираю ниже, потом выше, потом снова распускаю. Отражение в зеркале смотрит на меня с выражением легкого презрения.

— Прекрати, — говорю я себе. — Может, он тебя вообще не узнает.

Это почти срабатывает.

Ну а что? Фамилия у меня теперь другая. Мамина. Савельева. Я взяла ее не из обиды, скорее из гордости. Чтобы не быть приложением к известному режиссеру Туманову и его красивой жизни, в которой на роль отца и мужа у него вечно не хватало времени.

Так что Барский, если вообще что-то помнит, вряд ли сразу свяжет меня с Леркой-Туман.

Эта мысль немного успокаивает. Ненадолго.

В итоге я выбираю светлую блузку и простые серьги. Не потому, что так правильно. А потому что именно в этом комплекте я меньше всего похожа на женщину, которая дважды меняет обувь, прежде чем ехать на рабочую встречу.

В такси я сижу как натянутая струна и повторяю себе одно и то же: он давно не школьник, а я давно не девочка. У меня другая фамилия, своя работа, свой голос и полное право встать и уйти, если что-то пойдет не так.

Эта мысль помогает.

Почти.

Помощница Барского оказывается именно такой, какой и должна быть у такого человека: собранной, спокойной, без лишних слов и ненужной улыбочивости.

— Валерия Савельева? — уточняет она.

— Да.

— Андрей Анатольевич вас ждет.

Конечно ждет.

Пока мы идем по коридору, я замечаю стеклянные перегородки, темное дерево, металлические детали, запах кофе и бумаги, людей, которые двигаются быстро и не создают лишнего шума. Все здесь говорит одно и то же: деньги, порядок, контроль.

Не удивлюсь, если и воздух тут фильтруют по уровню допустимого хаоса.

— Прощу, — говорит помощница и открывает дверь.

Я захожу.

И сразу у меня в животе сжимается так резко, что я едва не сбиваюсь с шага. Он встает из-за стола.

На столе бумаги. Рядом тонкая оправа очков для чтения. Темный костюм. Белая рубашка. Никакой нарочитой эффектности, и от этого хуже. Он стал старше, жестче, точнее. Лицо собранное. Взгляд тяжелее. И весь он, как человек, который давно отвык разбрасываться словами.

Но глаза... глаза те же. Незаметно сглатываю.

Он меня тоже узнал. Я считываю это моментально по тому, как на долю секунды меняется его лицо, как будто под идеально ровной поверхностью кто-то резко провел ногтем.

Черт.

А значит, весь мой прекрасный план «другая фамилия, прошло много лет, ничего особенного» с хрустом проваливается под лед.

Но внешне я уже иду вперед. Я не даю себе остановиться. Не даю глазам метнуться в сторону. Не даю рукам дрожать.

Протягиваю ему ладонь.

— Добрый день. Валерия Савельева.

В этот момент большая черная птица приземляется на шкаф и издает резкий звук. Я вздрагиваю от неожиданности.

Барский смотрит на меня секунду, потом усмехается.

— Ничего себе. Лерка-Туман.

Я медленно опускаю руку. Собираю себя в кучу.

— Уже нет. Савельева.

— Замуж выскочила? Молодец. Громов о тебе хорошо отзывался, а я и не думал, что из тебя выйдет журналист.

— А я не думала, что ты дорастешь до человека, который сам себе заказывает фильмы.

Он коротко смеется, но глаза уже жесткие.

— Сядь.

— Спасибо, постою.

— Как хочешь.

Он обходит стол, опирается на край.

— Слушай, давай без цирка. Мне нужен серьезный проект. Не школьный кружок и не личная терапия. Я не уверен, что тебе вообще можно это доверить.

— Потому что?

— Потому что ты меня знаешь. И, судя по лицу, не забыла.

— А ты, судя по заходу, тоже все помнишь. Только это тебе вдруг понадобилась моя помощь.

— Не льсти себе. Я не знал, что это ты. Мне не нужен человек, который будет путать работу с личными тараканами.

— Тогда тебе вообще не повезло. У всех есть свой комплект тараканов. Даже у владельцев заводов.

Он шурится.

— Я серьезно.

— Я тоже. Ты звонишь мне сам, тащишь на встречу, а потом делаешь удивленное лицо, что у нас, оказывается, есть прошлое. Очень взрослая схема.

— Я не тащил тебя. Могла не приезжать.

— Не могла. Я профессионал, и это моя работа. А вот ты мог и не звать. - говорю я и сама себе не верю. Потому что профессионалы не приезжают на встречи без ТЗ по первому звонку бывших одноклассников.

— Я не знал, что это ты.

— Бедный. Какая неожиданность. Даже почти сочувствую.

У него дергается угол рта.

— Зато теперь знаю. И теперь еще меньше уверен, что это хорошая идея.

— Какой нерешительный. Как же ты заводом то управляешь? Тогда послушай умного человека. Идея очень плохая.

— Вот и отлично.

— Надо же. А я думала, ты хотя бы вырос. Смешно. Хотя, в одном ты не изменился. Сначала укусить, потом посмотреть, дрогнул человек или нет.

— Ты перегибаешь палку. Если человек не может контролировать свои эмоции, ему не место рядом с большими проектами.

Я делаю шаг ближе.

— А если человек пытается растоптать другого с порога, ему не место в кадре. Камера такие вещи очень любит. Все показывает.

Он выпрямляется.

— Ты сейчас мне угрожаешь?

— Нет. Я тебе объясняю, почему с тобой сложно работать. Ты до сих пор уверен, что если когда-то видел меня слабым, то можешь и сейчас зайти с ноги. Но все изменилось, Барский.

— Ты ошибаешься. Люди не меняются, просто начинают носить маски.

— Тебе виднее, босс.

Пауза.

Он смотрит на меня уже без усмешки.

— Ты слишком много на себя берешь.

— Нет. Это ты слишком долго живешь в кабинете, где тебе никто не говорит то, что действительно думает. Хотя тут все ясно. С людьми не вышло, завел птицу.

— Это Ворон.

Я беру папку.

— Все, Барский. Закрыли тему. Ищи кого-нибудь, кто будет смотреть на тебя с восхищением и снимать твой драгоценный профиль на фоне труб.

— Снова обиделась и сбегашь?

Я уже у двери.

— Нет. Просто не хочу тебя ни снимать, ни видеть. Вообще больше никогда.

И выхожу.

- Туманова! – кричит он в след. – Завтра в десять. Не придешь, значит, я был прав.

Глава 3 Андрей

Дверь за ней захлопывается.

Несколько секунд я просто стою и смотрю на эту чертову дверь. Что это было вообще?

Крош со шкафа издает короткое, мерзко довольное карканье.

— Заткнись, — говорю я птице.

Крош не затыкается. Он вообще никогда не затыкается, когда есть возможность меня позлить. Он переступает лапами и косится на меня без капли сочувствия.

Я медленно выдыхаю, обхожу стол, беру очки и швыряю их в папку с документами. Папка съезжает к краю стола.

Прохожу к столу, сажусь, откидываюсь в кресле. Закрываю глаза на секунду и сразу открываю.

Лерка-Туман, ну надо же.

Нет. Она теперь Савельева. Наверное, выскочила замуж. Но кольца-то нет, я заметил. Черт, зачем я вообще смотрел на ее пальцы?

Да это и не важно. Для меня она все равно Туманова. Серая мышь с упрямыми глазами, которая в школе бесила меня сильнее, чем следовало бы. Тощая, колючая, вечно напряженная. Чуть задень, и сразу в слезы.

Она изменилась. Теперь она смотрит прямо в глаза. Смотрит смело, с вызовом. И взгляд острый, как будто только и ждет, чтобы я сказал что-то не то.

А эта блузка...

Я провожу рукой по лицу.

«Не хочу тебя ни снимать, ни видеть. Вообще больше никогда».

Сказала и вышла. Как отрезала. Как будто не я тут решаю, когда разговор считать законченным. Как будто не я тут хозяин положения.

Я усмехаюсь.

Коротко, со злостью.

— Хозяин положения, — повторяю вслух.

Крош снова каркает.

— Да заткнись ты.

Он, конечно, не затыкается.

Я подхожу к окну. Во дворе разворачивается фура, двое рабочих курят у служебного входа, из административного корпуса выходит Варя с папкой. Нормальный рабочий день. Все как и должно быть. Завод работает. Люди на местах. Контракты ждут подписи. Партнеры приедут через месяц.

И только у меня в голове вместо цифр, графиков и планерок — женский голос, злой взгляд и это ее:

«Надо же. А я думала, ты хотя бы вырос.»

Я сжимаю зубы так, что челюсть сводит. Надо же, нашла, куда бить. Хотя нет. Я сам дал ей в руки все, что нужно. Вел себя как последний...

Я резко обрываю мысль.

Нет.

Я вел себя правильно. Жестко — да. Но правильно. Мне нужен важный проект, а не чьи-то старые сопли с привкусом школьных обид. Я не обязан делать вид, что все нормально, если вижу, как человека корежит от одного моего взгляда.

Проблема только в том, что корежило не ее одну. И вот это уже раздражает по-настоящему.

Я возвращаюсь к столу, сажусь, открываю ноутбук и вбиваю: «Валерия Савельева журналист».

Результатов много. Статьи, интервью, расследования. Я открываю первую попавшуюся статью. Через минуту вторую. Потом третью.

И с каждой следующей что-то внутри меня медленно, с неприятным скрежетом, дает трещину.

Потому что она хороша.

Не «для девочки из школы» хороша. Не «неплохо, кто бы мог подумать». А просто — хороша. Жесткая подача. Чистая структура. Без попыток понравиться. Без сюсюканья. Без желания казаться умнее, чем есть. Она умеет вытащить из человека главное и при этом не развалить текст на самолюбование.

Я открываю видеофрагмент с ее участием.

Смотрю.

И чувствую, как моя уверенность в том, что она «ни о чем», начинает осыпаться некресивыми кусками.

В кадре Лера спокойная, собранная. Никакой суеты. Она задает вопрос, и собеседник сначала пытается уйти в сторону, а потом, сам того не замечая, отвечает ровно на то, что она хотела услышать.

Ловко. Очень ловко.

Я откидываюсь на спинку кресла и провожу ладонью по лицу.

Черт. Она не серая мышь. Эта мысль неприятно царапает изнутри.

Крош перелетает на стол, проходит по клавиатуре и замирает рядом с ноутбуком, разглядывая экран так, будто тоже хочет оценить уровень ее работ.

— Даже не думай, — говорю я.

Он клюет уголок распечатки.

— Она не настолько хороша.

Крош каркает.

— Ладно, настолько.

Он снова каркает.

— Не наглей.

Я захлопываю ноутбук чуть резче, чем нужно.

— Ты себя накручиваешь, — говорю я вслух.

Я снова подхожу к окну. Мой завод. Я создал его с нуля, я пахал, как проклятый круглые сутки. Теперь все под контролем. Все работает.

И сейчас какая-то девчонка, которую я дразнил в школе, заставляет меня чувствовать себя...

Кем?

Мальчишкой.

Таким же злым и неуклюжим, как тогда. Когда проще было сказать гадость, чем подойти и просто заговорить.

Я сжимаю челюсть.

— Нет, — говорю я себе. — Я был прав. Она не подходит. Она эмоциональная, обидчивая, она будет тащить в проект своих тараканов. Мне нужен профи, а не...

Короткий стук в дверь.

Без приглашения заходит Виктор Аркадьевич. Как всегда с выражением лица, на котором написано: «У нас дедлайны, обязательства, срочно нужно что-то делать».

— Все прошло удачно? — спрашивает он.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

Нормальному человеку хватило бы одной секунды, чтобы понять: нет, прошло неудачно, уйдите и сохраните себе жизнь.

Виктор Аркадьевич нормальным человеком не является.

— Спорно, — отвечаю я.

— То есть?

— То есть кандидатура вызывает вопросы.

Он аккуратно прикрывает за собой дверь и делает еще шаг в кабинет.

— Какие именно?

— Личные.

Бровь у него почти не двигается, но я слишком давно его знаю.

— Настолько серьезные?

— Достаточно.

— Тогда, возможно, не стоит усложнять. Я могу связаться с агентством и запросить другую кандидатуру. Более... нейтральную.

Слово «нейтральную» он произносит с легким нажимом. И даже почти вежливо. И почему-то именно в этот момент меня накрывает новой волной раздражения. На эту его вечную готовность убрать все живое, неудобное, острое и заменить чем-нибудь предсказуемым, безопасным, стерильным.

— Нет, — говорю я.

Он замирает.

— Простите?

— Я сказал, нет.

— Но вы только что сами...

— Я помню, что я только что сказал.

Он делает многозначительную паузу.

— Андрей Анатолич, если между вами есть личная история, тем более разумнее выбрать кого-то без лишнего эмоционального фона.

Крош издает звук, похожий на издевательский смешок.

Я бы с удовольствием с ним согласился.

В словах Виктора Аркадьевича есть логика. Правильная, гладкая и безопасная.

Но я уже видел ее работу. И теперь другая мысль бьется в голове громче любой логики:

она может это снять.

Даже хуже.

Скорее всего, только она и может снять это так, как мне надо. Не лакированную открытку. Не рекламную жвачку. А живой, сильный материал.

И именно это бесит меня больше всего.

Потому что я не хочу в этом признаваться. Ни ему, ни себе. Я встаю из-за стола и обхожу его, как будто так легче говорить.

— Другая кандидатура снимет мне мертвую открытку, — произношу я. — А она нет.

Виктор Аркадьевич молчит.

— При этом, как я понимаю, общение у вас не задалось.

— Это не ваше дело.

— Если речь идет о проекте компании — мое.

Я резко поворачиваюсь к нему.

— Тогда займитесь проектом компании и не учите меня разговаривать с подрядчиками.

Тишина становится плотной.

Виктор Аркадьевич смотрит на меня внимательно. Со своим неприятным профессиональным спокойствием, в котором всегда есть чуть больше понимания, чем мне хотелось бы.

— Разумеется, — отвечает он наконец. — Тогда мне нужно понимать только одно: мы продолжаем с ней или нет?

Я сжимаю переносицу двумя пальцами. Потому что вопрос простой.

А ответ — нет.

Я не хочу ее видеть.

Не хочу снова ловить этот ее взгляд, как будто она видит меня насквозь и ей не нравится увиденное. Не хочу слышать, как у нее дрожит голос на ту самую долю секунды, которую замечаю только я. Не хочу снова чувствовать это напряжение внутри, как в школе, потому что она не смотрела на меня с восхищением, не таяла, не соглашалась на все. Потому что она единственная, кто когда-то не бегал за мной, и до сих пор не бежит.

Я раздражен. И от этого хочется кого-нибудь уволить.

Крош расправляет крылья и каркает. Виктор Аркадьевич переводит взгляд с птицы на меня.

— Андрей Анатолич?

Я убираю руку от лица.

— Да, продолжаем.

— Понял.

Он поворачивается к двери и уходит

Кабинет снова остается мне, Крошу и моему резко испортившемуся настроению.

Я снова открываю ноутбук. Еще одна ее работа. Интервью. Короткий документальный ролик о каком-то маленьком производстве. И в какой-то момент понимаю, что смотрю уже не из желания доказать себе, что она посредственность.

А с интересом.

Она не серая мышь.

Вообще нет. И это, пожалуй, самая плохая новость за сегодняшний день. Потому что если бы она осталась той девочкой, которую можно было довести парой слов, все было бы просто. А она не осталась.

Она выросла.

Стала острее, красивее, жестче. И, кажется, научилась говорить именно так, чтобы было больше всего.

Я резко закрываю вкладку.

— Да что ж такое, — тихо говорю в пустоту.

Крош спрыгивает со стола на подоконник и каркает уже не насмешливо, а скорее вопросительно.

Я усмехаюсь.

— Нет, мне это не нравится.

Он снова каркает.

— Нет, это не значит, что я передумал.

Крош склоняет голову.

— И нет, я не собираюсь признавать, что повел себя как мальчишка.

На последней фразе я замолкаю сам. Потому что именно так я себя и повел. Увидел ее и сорвался. Полез в прошлое. Укусил первым, как будто мне снова пятнадцать.

От этой мысли меня передергивает.

— Варя! — кричу я в сторону двери.

Через несколько секунд в кабинете появляется моя помощница.

— Да, Андрей Анатольевич?

— Подготовьте договор для Валерии Савельевой. Все материалы по проекту отправьте ей сегодня. Завтра в десять она будет у меня в кабинете. Гонорар удвоить.

Варя кивает, не задавая лишних вопросов. Выходит.

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза.

Завтра в десять.

Отлично. Просто замечательно. Учитывая, как сегодня все прошло, ничего хорошего от завтра ждать не приходится. И именно поэтому я почему-то абсолютно уверен, что она придет.

Проблема только в одном. Что, если нет?

Глава 4. Валерия

Я выскакиваю из административного корпуса.

Щеки горят. Ладони ледяные. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Во рту пересохло, а в голове по кругу его голос, его усмешка и это спокойное, мерзкое:

«Я не уверен, что могу доверить тебе такой проект».

Да кто ты вообще такой? Не уверен он.

Я быстро иду по парковке, каблуки то и дело проваливаются между брусчаткой. Какой идиот додумался выкладывать парковку брусчаткой. Хотя чего я ожидала? Какой директор, такая и парковка — дорогая, неудобная и бесит!

Нет, ну надо меня так разозлить! Барский стал еще противнее. Самодовольный, высокомерный, уверенный в том, что может по-прежнему втоптывать меня в грязь.

Ну уж нет, дорогой. Не в этот раз.

Я резко выдыхаю, распахиваю дверь стоящей у входа машины и вваливаюсь на заднее сиденье.

— В редакцию «Городской курс», пожалуйста, — бросаю, роясь в сумке в поисках телефона. — И побыстрее, я тороплюсь.

Молчание.

Я поднимаю глаза.

За рулем сидит женщина лет пятидесяти в очках и в ярко-сиреновом пуховике. На пассажирском сиденье пакет с апельсинами. Она смотрит на меня из-под очков с интересом и легким недоумением.

— Девушка, — говорит она, — это не такси. Такси обычно паркуются вон у того знака. Хотите апельсин?

Я застываю.

Потом медленно закрываю глаза.

— Господи.

— Не нужно преувеличивать, — говорит женщина. — я обычная женщина. Пока еще.

Я вылетаю наружу, бормоча что-то про простите-извините-ужасный-день, захлопываю дверь и пару секунд стою посреди парковки, прижав ладонь ко лбу.

Отлично.

Прекрасно.

Барский, чтоб тебе икалось до пенсии.

У «вон того знака» действительно стоят две машины. Я молча сажусь первую, пристегиваюсь, называю адрес и только потом понимаю, что все еще сжимаю кулаки. Заставляю себя расслабить пальцы.

— Никуда я завтра не поеду, — говорю себе под нос, глядя в окно. — Пусть ищет себе кого-нибудь, кто будет смотреть на него с открытым ртом и снимать его драгоценный профиль на фоне труб.

Водитель бросает на меня взгляд в зеркало, но, к счастью, ничего не спрашивает.

Святой человек.

Машина выезжает на центральную улицу, и я набираю Киру.

— Ну? — говорит она вместо приветствия. — Как все прошло?

— Лучше не спрашивай! Меня до сих пор трясет.

— Так. Уже интересно.

— Он все такой же. И так же меня бесит!

— Барский?

— Нет, блин, папа римский. Конечно, Барский. Самодовольный, наглый и уверен в том, что он пуп земли.

Кира хмыкает.

— А что случилось то?

— Я, как приличная взрослая женщина, зашла, поздоровалась и даже протянула ему руку.

— Ну, а он?

Я прикрываю глаза и откидываюсь на спинку сиденья.

— Он меня сразу узнал и началось! Даже без разминки. Лерка -Туман, твои тараканы мне не нужны, не могу доверить тебе проект, бла-бла-бла. Как будто не он сам меня позвал.

— И?

— Что «и»? Мы поругались, я хлопнула дверь и ушла.

— То есть вы выросли, а повзрослеть забыли?

— Да причем тут это? Он просто как был придурком, так им и остался. В какой-то момент мне даже показалось, что я его придушу. Потом передумала. Решила, что это слишком жирно для него.

Кира смеется.

— Лера, — говорит Кира уже сквозь смех, — это все конечно, весело, но проект жаль. Можно было неплохо заработать.

Я смотрю в окно.

— Да пошел он со своим проектом, — говорю я через пару секунд. — Не очень-то и хотелось.

Кира сразу ловит паузу.

— Ну ладно. Тебе просто нужно переспать с этой мыслью, а завтра принять взвешенное решение. Хочешь, пойдем погуляем вечером?

— Посмотрим. Давай созвонимся.

— Давай. Все выдыхай и на созвоне.

— Пока.

В редакцию я влетаю как после пожара.

На входе меня чуть не сносит курьер с коробкой для архива, кто-то орет из монтажки, что звук снова поплыл, из соседнего кабинета доносится яростное:

— Я не поставлю «шок» в заголовок, мы не желтая газетенка!

Кто-то машет мне рукой, кто-то уже с кем-то спорит у кулера, в дальнем углу беззвучно моргает телевизор с новостями, и от всего этого привычного бедлама мне впервые за день становится чуть легче.

Здесь все родное и понятное. Здесь никто не сидит в дорогом кресле и не раздает указания.

— Лер, ты где была? — кричит мне Мишка-новостник от кофемашины. — Тебя Семеныч ищет.

— Была на встрече, — бросаю я на ходу. — чего Семеныч хочет?

— Не знаю, просил зайти.

— Зайду.

Бросаю сумку на свой стул, прохожу мимо верстальщика, который матерится шепотом в монитор, хватаю первую попавшуюся папку, понимаю, что это вообще не моя, кладу обратно, беру кружку, наливаю кофе. Руки до сих пор подрагивают.

Прекрасно.

И почему-то до сих пор хочется кого-нибудь задушить. Чисто в профилактических целях.

— Савельева, к главному, — кричит из-за перегородки Катя-корректор, не поднимая головы. — И лицо попроще сделай, может премию выпишет.

— Дождешься у него, — отвечаю я. — Сейчас пару глотков кофе и иду.

К кабинету главреда я подхожу уже чуть собраннее. Думаю, сейчас будет что-то про дедлайны, про вчерашний текст, про правки по лонгриду. Я даже успеваю настроиться на нормальную рабочую возбучку.

Семеныч сидит у себя за столом с уставшим лицом, который не спал двое суток. Галстук перекошен, чашка пустая, на экране какая-то презентация, которую явно делали левой ногой.

— Садись, — говорит он.

Я сажусь.

Он смотрит на меня секунды три. Слишком внимательно.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего. Просто думаю, карьеристка ты или просто талантливая.

— И то, и другое. Полный комплект.

— Хорошо. Тогда к делу.

И вот тут я понимаю: это не про дедлайны.

Семеныч откидывается на спинку кресла и сцепляет пальцы на животе.

— Сегодня у нас было совещание с инвесторами. Решили запускать новое направление. Не только статьи, не только репортажи. Будем делать документальные и имиджевые фильмы, спецпроекты, большие форматы.

Я молчу.

Он продолжает:

— Под это дело нужен человек. Руководитель отдела. Через две недели я должен представить инвесторам кандидата на эту должность.

Мне почему-то сразу становится жарко.

— И?

— И у меня в списке две кандидатуры. Ты и Вадим Лысенков.

Это удар ниже пояса. Потому что Вадим Лысенков — это не талант века. Но это именно тот тип мужчин, которых любят инвесторы, презентации и люди, верящие в слово “надежность”. Он гладкий, удобный, с кейсами. Пусть даже кейсы у него местами хочется развидеть.

— Серьезно? — спрашиваю я раньше, чем успеваю сделать вид, что мне все равно.

— Нет, шучу. Конечно, серьезно.

Он снимает очки, протирает переносицу.

— По мозгам, по хватке, по тексту, по чутью ты сильнее. Но у Вадима есть то, чего у тебя почти нет.

— Посредственность?

— Малые фильмы.

Я фыркаю.

— Семеныч.

— Не закатывай глаза. Я не сказал, что у него хорошие фильмы. Они у него местами деревянные, местами стыдные, местами хочется выключить на второй минуте. Но они есть. И инвесторы очень любят слово “опыт”, даже когда этот опыт снят на уровне школьного кружка.

Я сижу молча.

Потому что он прав. И от этого хочется встать и ударить ладонями по столу.

— У тебя, Лера, сильное имя внутри редакции. Сильные тексты. Репутация. Но если мне завтра скажут: “Покажите, где она уже делала вот такое”, — мне нечего будет ответить.

— А Лысенков идеальный кандидат?

— У Лысенкова есть маленький талант. Он умеет сразу понравиться.

Он наклоняется вперед.

— Поэтому слушай внимательно. У тебя две недели. Найди, добудь,ними, вырви зубами — мне все равно. Но принеси мне фильм, после которого я смогу сказать: вот моя кандидатура.

Иначе в новый отдел пойдет Вадим. А ты останешься очень талантливой девочкой без нужного кейса.

Я смотрю на него и медленно выдыхаю.

Две недели.

Фильм.

Новый отдел.

Лысенков.

И, конечно же, именно сегодня.

— Ты издеваешься? — спрашиваю я тихо.

— Нет. Если бы я издевался, я бы дал тебе два дня.

Я встаю.

— Спасибо, Семеныч. Ты сегодня очень щедр.

— Не ерничай. Лучше иди и работай. Покажи мне свои журналистские зубы.

Я выхожу из кабинета, аккуратно прикрываю дверь и только в коридоре понимаю, что меня начинает реально разрывать на части.

Да вы издеваетесь?

Как в плохом кино, честное слово.

Именно сейчас? Именно сегодня? Именно когда я только что красиво хлопнула дверью у Барского? Именно когда сказала себе, что ноги моей там больше не будет? Именно в конкуренции с этим...Лысенковым?

Я иду по коридору мимо монтажной и в этот момент почти сталкиваюсь с Вадимом.

Лысенков как всегда гладкий. Чистая рубашка, правильная щетина, вежливая улыбка человека, который всегда говорит “добрый день” так, будто ты его лучший друг.

— О, Лера, — говорит он. — Ты от Семеныча?

— А что?

— Да ничего. Просто я у него тоже был сегодня.

Я смотрю на него.

Он улыбается еще приятнее.

— Наконец-то, у нас будет кино. Наконец-то редакция начнет делать не только буквы. И я планирую возглавить это направление. Семеныч мне намекнул.

— Поздравляю.

— Да ладно, не злись. Поработаешь еще, а потом я тебя к себе в отдел возьму.

Какая честь. Я медленно выдыхаю.

— Спасибо. Обойдусь. Мне и в этом отделе хорошо, — говорю я и иду дальше.

— Ну как хочешь, — кричит Вадим мне в след.

Как же хочется врезать по этой слащавой морде. Почему меня сегодня окружают одни идиоты?

Я возвращаюсь к своему столу, открываю ноутбук и вижу новое письмо. И именно в этот момент мне начинает казаться, что сегодняшней день решил добить меня уже окончательно.

Отправитель:

Варя Кузнецова / приемная Андрея Анатольевича Барского

У меня аж глаз задергался.

Я открываю уже на чистом раздражении, готовая увидеть что угодно — от формального “спасибо, мы подумаем” до красивого корпоративного ничего.

Но внутри все: договор, вводные, цели проекта, справка по заводу, логистика, доступ, референсы, сроки.

И гонорар.

Я сначала просто смотрю на цифру. Потом щурюсь и смотрю еще раз. Потому что, нет, не может быть.

Может.

Этот псих не просто оставил проект за мной, он еще и удвоил сумму. Я тихо выдыхаю и чувствую, как злость внутри меня меняет вкус.

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю в экран так, будто он сейчас сам должен мне все объяснить.

То есть он не слил меня. Не решил, что я “слишком эмоциональная”. Не нашел кого-нибудь поудобнее, помягче и поговорчивее.

Нет.

Он просто взял и прислал мне настоящий большой проект. С масштабом. С живым производством. С доступом туда, куда просто так не пускают. С тем самым форматом, которого у меня до сих пор не было. Еще и удвоил гонорар.

Я сжимаю губы.

Нет, я не к Барскому вернусь. Я вернусь за своим фильмом. За тем самым кейсом, которого у меня нет. И да, еще за тем, чтобы он, не дай бог, не подумал, что я испугалась и слилась.

Потому что этого удовольствия я ему не доставлю даже бесплатно. А уж за двойной гонорар — тем более.

Я смотрю на письмо еще раз.

Встреча завтра в 10:00 остается в силе.

Ну что ж, Андрей Анатольевич. Посмотрим, кто из нас завтра пожалеет, что вообще это начал.

Глава 5. Андрей

Утро начинается хреново.

Уже третий светофор подряд я думаю не о поставщиках, не о графике и не о цехе, а о том, придет ли Савельева.

Придет. Слишком упрямая, чтобы не прийти. Почему-то меня это не успокаивает.

Вхожу быстрым шагом в кабинет, бросаю ключи на стол и сразу снимаю пиджак. На столе уже лежат папки, план обхода, сводка по проекту и распечатка по сегодняшним перемещениям по заводу. Все на месте, так как я люблю.

Только настроение это не поднимает.

Я подхожу к окну. Во дворе мокрый асфальт, внизу грузят паллеты, у второго корпуса дергается погрузчик, двое рабочих курят возле служебного входа. Обычное рабочее утро.

Обычное, если бы у меня в голове не крутилось ее вчерашнее:

«Надо же. А я думала, ты хотя бы вырос».

Я сжимаю челюсть, желваки пускаются в пляс.

Очень смешно.

На столе мигает внутренний телефон.

— Да.

— Андрей Анатольевич, Виктор Аркадьевич ждет, — говорит Варя.

— Пусть заходит.

Виктор Аркадьевич входит через секунду. Спокойный и собранный, как всегда. В руках планшет, под мышкой папка. Иногда меня поражает его самообладание в любой ситуации.

— Доброе утро, Андрей Анатолич.

— Доброе, и давайте сразу к делу.

Он открывает планшет, но я уже начинаю:

— Сегодня приедет журналистка Савельева. Проведите ей обзорную экскурсию по заводу. Покажите все базовое: административный корпус, выдуйте канистр, склад, лабораторию. Ничего не преувеличивайте, не устраивайте показательных выступлений. Завод у нас образцово-показательный, пусть она в этом убедится сама. Я с вами не пойду. Уверен, вы прекрасно справитесь.

Виктор Аркадьевич кивает.

— Мы подготовили вопросы, ответы на которые хотели бы включить в фильм. Сразу передать их ей?

— Передайте. Но не ограничивайте ее только этим списком. Интересно посмотреть, что она еще спросит.

Виктор чуть приподнимает бровь.

— Понял.

— Сотрудников предупредите: отвечать по делу, не умничать, не юлить и не строить из себя экскурсоводов. Пусть занимаются тем, за что получают зарплату.

— Хорошо.

Я беру со стола ручку, кручу в пальцах, вспоминаю, не забыл ли чего-то важного.

— И еще. Давайте сегодня обойдемся без постановочных видео. Без “вот здесь вы встаете”, “вот здесь он скажет”, “вот здесь красиво про ценности компании”. Это все потом. Сначала пусть просто посмотрит.

— То есть сегодня свободный обход?

— В пределах разумного, Виктор Аркадьевич. Не путайте “свободный” с “хаотичный”.

— Разумеется.

Я киваю на бумаги.

— Ну и не оставляйте ее одну. Мне не нужен на территории человек, который гуляет где хочет.

— Я вас понял.

Он делает паузу, потом все же добавляет:

— Вы точно не хотите присутствовать?

Вот тут я поднимаю на него глаза.

— Нет.

Отвечаю слишком быстро. И это раздражает еще больше.

Я медленно выдыхаю и говорю уже ровнее:

— Сегодня мне там делать нечего. Пусть смотрит. Обойдетесь без меня. Потом уже будем действовать по плану, когда поймем, что именно она видит и куда вообще смотрит. И как представляет себе будущий фильм.

— Хорошо.

Он собирает бумаги и выходит. Я остаюсь один и тут же чувствую, как между лопаток наливается тяжелая тупая злость.

Да что за бред. Я просто не хочу снова сорваться. И у меня есть более важные дела, чем прогулка по заводу с дерзкой журналисткой

Я сажусь за стол, открываю ноутбук, пытаюсь читать отчет по поставкам полимеров, но взгляд скользит по строкам, не цепляясь ни за одну цифру. Слова расплываются. Я раздраженно захлопываю крышку, встаю, опять иду к окну.

По двору уверенной походкой шагает Туманова. Горло почему-то сжимается.

Сегодня она выглядит еще собраннее, чем вчера. Светлая блузка, темные брюки, волосы собраны в хвост. Идет быстро, спина прямая, подбородок чуть вздернут. Уже по походке видно, что она приехала воевать.

Ее встречает Виктор Аркадьевич и сразу начинает что-то ей объяснять. Спокойно, размеренно, своими прямыми рублеными движениями. Она слушает, потом что-то отвечает. Я не слышу их разговор, но четко вижу, что отвечает она резко. Кисть дергается, плечо чуть уходит назад. Судя по всему, с чем-то кардинально не согласна.

Я непроизвольно хмыкаю. Да кто бы сомневался.

Они быстро исчезают из поля зрения.

Я с силой провожу ладонью по затылку. Все нормально. Виктор Аркадьевич – кремень. Вывести его из равновесия – задача невыполнимая даже для Савельевой. Переживать не о чем.

Возвращаюсь к столу. Через минуту не выдерживаю.

Черт.

Включаю программу просмотра камер видеонаблюдения. Я не слежу. Я просто проверяю, как там идет обход.

Нахожу их у входа в цех выдува канистр. Первым появляется Виктор Аркадьевич, за ним сразу Лера.

Они проходят вглубь корпуса. Я вижу, как Виктор продолжает говорить, а Лера уже не столько слушает, сколько смотрит по сторонам. Но не как гость, а как разведчик, который пытается найти подвох, прочитав между фраз проводника то, что тот замалчивает.

Меня это снова цепляет. Вот ведь зараза.

Я уже хочу выключить просмотр, когда в кадр вдруг влетает черное пятно. Крош. Только тебя и не хватало.

Ворон делает круг под потолком, резко ныряет вниз и, судя по тому, как Лера вскидывает руку, что-то у нее выдергивает. Ручку, кажется. Или карандаш. Неважно.

Важно другое.

Она не шарахается, не отскакивает в панике, не округляет глаза.

Она на секунду замирает, потом поворачивается к птице всем корпусом и начинает что-то говорить. Жестко, даже раздраженно. И отсюда видно по ее лицу и по рукам, что она разговаривает с ним, как с мелким карманником, которого поймали с поличным.

Крош садится чуть выше, наклоняет голову. Она делает шаг. Виктор вскидывает руку, явно пытаясь вернуть процесс экскурсии по заводу в русло.

Уголок моего рта дергается вверх. Вот ненормальная.

Я отхожу от монитора, и в этот момент звонит мастер первого цеха. Напряженным голосом громко и быстро тараторит про складскую линию, про погрузчик, про то, что стеллаж повело после удара, сейчас пытаются все исправить, но лучше мне лично подойти.

Я уже иду к двери, пока он договаривает. Мысленно вспоминаю все ругательные слова, которые знаю. Нашли время для ЧП, епрст.

Пульс подскакивает сразу. Я терпеть не могу сбои на линии, а тем более, когда они происходят в самый неподходящий момент. Хотя для сбоев трудно подобрать подходящий момент, конечно. Но сейчас там сейчас Виктор и Савельева, черт бы ее побрал. И все это вместе слишком быстро складывается в плохую комбинацию.

Почти сбегая вниз по лестнице и быстро дохожу до нужного корпуса. В цех захожу на ходу, чувствуя, как жар бьет в лицо. Воздух плотный, влажный, шум вибрирует в груди. Только сегодня еще и раздражение пульсирует под кожей.

Я вижу Виктора и Леру сразу. Разумеется, она уже стоит не там, где ей положено быть, а чуть в стороне, ближе к линии, смотрит не на “красивую” часть маршрута, а туда, где как раз суется возле стеллажа. Виктор что-то говорит ей. Она отвечает. По губам я не читаю, да и не надо, и так видно, что все идет не по плану.

Я подхожу к ним, чувствуя, как между лопаток все сжимается.

— Валерия. Простите, что задержался. Пройдемте в лабораторию — Стараюсь быть максимально отстраненным и вежливым. Нужно срочно увести ее отсюда.

Она оборачивается так резко, будто только этого и ждала. Она сначала вспыхивает и уже набирает воздуха для ответа, но быстро собирается.

— Я бы хотела пройти цех до конца, пообщаться с рабочими, — отвечает она. — Или общение тоже под запретом?

У меня в груди коротко бьет жаром.

— Сегодня в этом нет необходимости. Сегодня обзорная экскурсия для понимания масштабов и выстраивания концепции будущего фильма.

— Но мне показывают только верхушку айсберга.

— И этого достаточно для первого дня.

— Для рекламного ролика, возможно.

Виктор делает шаг между нами.

— Андрей Анатолич, я как раз...

— Я сам, — обрываю я, не глядя на него.

Потому что справа в этот момент кто-то орет резким командным голосом. Я поворачиваю голову и сразу понимаю, что уйти не успеваем.

Погрузчик неловко сдает назад. Край вилы цепляет тяжелый стеллаж с канистрами. Верхняя секция идет, качается, и у меня внутри все срывается в один жесткий короткий импульс и в животе все сжимается.

Лера стоит слишком близко.

Я не думаю. От слова «совсем».

За долю секунды хватаю ее за локоть, резко дергаю на себя, разворачиваю вместе с собой и вжимаю в грудь так, что у нее воздух срывается на выдохе.

Сверху грохочет пластик.

Что-то летит вниз, рассыпается, бьется о пол, кто-то кричит, погрузчик глохнет, а я стою, прижав ее к себе, и чувствую слишком много сразу.

Ее волосы у моего подбородка. Ее пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся мне в рубашку. Ее горячее, сбитое дыхание прямо в шею.

И свое сердце. Слишком громкое и быстрое, вообще не к месту.

Лера замирает. Потом медленно поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза. У меня пересыхает во рту.

Ее надо сразу отпустить.

Сразу, Барский!

Но я почему-то все еще держу, и это уже плохо.

Глава 6. Валерия

Запрыгиваю в такси и смотрю на часы. Пальцы не с первого раза попадают по ремню безопасности. Блин, могу опоздать.

— Побыстрее, пожалуйста, если можно. — говорю таксисту.

Ну как так можно? Сорок минут у зеркала потратить на выбор одежды? Лера, ты бьешь все рекорды. В какой момент твой внешний вид стал так много значить для тебя? Работа в первую очередь, помнишь?

А теперь осталось только опоздать для полного счастья, и дать Барскому повод упрекнуть меня в непрофессионализме.

Машина подъезжает к заводу ровно в 9.55, и у меня снова неприятно сжимается живот. Я набираю в легкие воздух и выхожу, поправляя сумку на плече, и поднимаю подбородок выше.

Никакой слабости, никакого прошлого.

Сегодня я здесь не девочка, которую можно поддеть одной фразой. Сегодня я здесь человек, который пришел сделать крутой материал. И если кому-то это не нравится, пусть идет в... свой шикарный кабинет.

Во дворе меня встречает представительный мужчина.

Конечно, разве Барский позволит себе снизить до простой журналистки.

Мужчина представляется Виктором Аркадьевичем. Выглядит безупречно, но какой-то весь правильный, безэмоциональный. Интересно, он живой вообще? Может робот. От Барского чего угодно можно ожидать.

— Доброе утро, Валерия, — произносит он так, будто зачитывает начало протокола.

— Доброе утро.

— Прошу за мной.

Ну конечно. Ни тебе “рады видеть”, ни “как добрались”, ни даже минимальной попытки сделать вид, что заинтересованы в моей работе. Стерильность, вежливость и запах административного контроля.

Мы идем по двору, и он продолжает озвучивать инструкции. Говорит в каком-то идеальном темпе человека, который всю жизнь привык, что его слушают не потому, что интересно, а потому, что это часть работы.

Мне в руки ложится список правил и вопросов, маршрут, цеха, фамилии сотрудников, несколько заранее подготовленных тем.

— Это ориентировочные вопросы и правила хождения в границах завода, — говорит Виктор Аркадьевич. — Чтобы упростить вам работу на первом этапе.

Я смотрю на лист.

Потом на него.

— На первом этапе?

— Да. Для первичного понимания производства.

Я сдерживаюсь секунды две.

— А если мне захочется спросить что-то не из списка, у вас сигнализация сработает?

Он смотрит на меня спокойно и даже бровью не ведет.

— Если вы будете задавать вопросы по существу, проблем не возникнет.

— Какое облегчение.

Он делает вид, что не слышит сарказма. Или слышит, но считает, что реагировать на него ниже его административного достоинства.

— Сегодня Андрей Анатольевич в обходе участия не принимает, — сообщает он.

Вот эта фраза почему-то цепляет сильнее, чем должна.

Я перелистываю листок, будто мне безумно интересен шрифт.

— Правда? Как жаль.

— У него плотный график.

Ну да, я и не сомневалась. Какая замечательная причина, чтобы не встречаться. Но так даже лучше. Не будет отвлекать меня от моей работы.

Но внутри нарастает непонятное раздражение. То есть хлопнуть мне в лицо своим “не уверен, что могу доверить проект” время у него нашлось. А выйти сегодня — уже нет?

Прекрасно.

Типичный самодур.

Мы выходим в переход к первому цеху. Жарко становится еще до того, как за нами закрывается дверь. Воздух плотный, шум живой, все движется, гудит, работает. Вот это уже мне нравится. Тут не стекло и не пафосная мужская территория. Тут настоящее производство.

Я вдыхаю глубже. Это очень хорошо. Нужно внимательно присмотреться и найти все, что мне тут может пригодиться для фильма.

Виктор Аркадьевич что-то объясняет про этапы выдува канистр, про объемы, про линии, про поставки. Я слушаю вполуха и параллельно смотрю по сторонам.

На людей. На темп. На процесс. На то, кто работает спокойно, а кто косится на Виктора Аркадьевича. На то, где пластик идет гладко, а где у края линии лежит что-то явно не для показа.

Надо подойти поближе.

Я уже замечаю, что один из рабочих явно знает больше, чем готов рассказать при начальстве, когда над самой головой вдруг проносится черная тень.

Я рефлекторно вскидываю голову.

Ворон.

Огромный, лоснящийся, наглый, как будто он не просто птица, а владелец контрольного пакета акций завода.

Ворон делает круг, снижается и так нагло выдергивает у меня из руки ручку, что я на секунду просто не верю в происходящее.

— Эй!

Он садится на балку чуть в стороне и смотрит вниз, зажав мой трофей в клюве.

— Ну это верх наглости, — говорю я. — Верни мне ручку.

— Это Крош, ворон Андрея Анатольевича. И это его любимое развлечение. Вряд ли он отдаст сейчас ручку. В лучшем случае, притащит в кабинет.

Ворон склоняет голову.

— Не очень гостеприимно с твоей стороны. Это моя ручка. Она мне нужна. Верни ручку, пока я не решила, что ты отлично смотришься с яблоками.

Крош молчит.

Сволочь пернатая.

— Ясно, — говорю я. — Вы с Барским стоворились. Ничего, я учту и в следующий раз буду готова к дерзким птичьим выходкам.

И как будто по заказу за спиной раздается знакомый голос:

— Валерия. Простите, что задержался. Пройдемте в лабораторию.

Я разворачиваюсь слишком резко.

Барский стоит в нескольких шагах, уже без пиджака, в черной рубашке с закатанными рукавами. Выражение лица у него не то раздраженное, не то насмешливое, но взгляд сразу цепляет меня и уже не отпускает.

Вот, значит, как. Ну уж нет, я еще тут не закончила.

— Я бы хотела пройти цех до конца, пообщаться с рабочими, — сухо отвечаю. — Или общение тоже под запретом?

В глазах Барского мелькает то ли напряжение, то ли раздражение, но он держится вежливо.

— Сегодня в этом нет необходимости. Сегодня обзорная экскурсия для понимания масштабов и выстраивания концепции будущего фильма.

— Но мне показывают только верхушку айсберга.— пытаюсь возмутиться.

— И этого достаточно для первого дня.

— Для рекламного ролика, возможно.

Виктор Аркадьевич делает шаг к нам, явно собираясь вернуть разговор в унылое деловое русло.

— Андрей Анатолич, я как раз...

— Я сам, — рычит Барский.

И в этот момент рядом с нами что-то резко меняется. Сначала короткий крик, потом визг погрузчика, потом очень мерзкий звук металла.

Я поворачиваю голову и вижу, что большой стеллаж с канистрами качается.

На секунду все вокруг будто замедляется. Кто-то орет. Кто-то машет руками. Первая канистра падает вниз, за ней вторая, третья, и весь верхний ряд начинает ехать в сторону.

Я стою слишком близко. Это я понимаю сразу и слишком отчетливо.

Но сдвинуться не успеваю.

Меня дергают так резко, что из груди вырывается воздух. Чья-то рука жестко хватается меня за локоть, разворачивает, и в следующую секунду я уже врезаюсь лицом в чью-то грудь. Твердую, горячую, живую.

Барский.

Сверху грохочет пластик. Что-то валится на пол, катится, бьется. Шум стоит такой, что уши закладывает. А я стою, вжата в него, и почему-то именно это чувствую отчетливее всего.

Его ладонь у меня между лопаток.

Вторая на локте. Ткань рубашки под пальцами.

Я чувствую запах чего-то чистого, теплого, мужского, с еле заметной горечью. И то, как меня вдруг, совершенно без предупреждения, бросает в жар.

С ног до головы. Так резко, будто меня окунули в чан с горячей водой.

Я поднимаю голову.

Он смотрит на меня сверху вниз. Настолько близко, что я вижу, как у него дергается мышца у виска и как быстро он дышит.

Не могу вымолвить ни слова. Пытаюсь сообразить, что происходит и как действовать дальше. Но Барский отпускает меня также резко, как схватил.

Отходит на полшага, разворачивается к Виктору и рывкает так, что даже я вздрагиваю:

— Какого хрена вы без касок?

Виктор Аркадьевич, кажется, в жизни не вздрагивает, но сейчас у него лицо чуть жестче обычного.

— Это первый проход, Андрей Анатолич. Мы не заходили в...

— Меня не интересует, куда вы “не заходили”, — обрывает Барский. — На производстве люди должны быть в касках. Все. Без исключений.

— Я понял.

— Отлично. Тогда сделайте так, чтобы техника безопасности впредь соблюдалась без «но».

В цехе еще гулко перекачиваются по полу канистры, рабочие уже поднимают стеллаж, кто-то ругается на водителя погрузчика. А у меня в ушах все еще стучит кровь, и я до смешного остро чувствую, как горят щеки.

Горячее начало, ничего не скажешь.

Барский поворачивается ко мне. И уже в следующую секунду на лице у него совсем не та эмоция, которая была несколько секунд назад, а холодная вежливость.

Вот прямо нарочито.

— Вы не пострадали?

О, ну конечно. Давайте сделаем вид, что ничего не было. Или мне действительно показалось?

— Нет, — отвечаю я слишком быстро. — И я очень постараюсь не рассматривать этот инцидент, как покушение.

Уголок его рта дергается.

— Вы, как я вижу, в порядке.

— А вы, как я вижу, не очень этому рады.

Он прищуривается.

— У вас странная манера благодарить.

— У вас странная манера спасать.

— Зато эффективная.

— С этим не поспоришь. Хотя подача у вас, как всегда, хромает.

— А что не так с моей подачей?

Виктор Аркадьевич появляется из ниоткуда и протягивает мне каску. Белую. Чистую. Как издевательство.

Я беру ее и смотрю на Барского.

— Идеальная картинка не складывается, да?

— Это обычный рабочий момент. Это производство, Лера, а не прогулка по оранжерее.

Он смотрит еще секунду, потом отворачивается и кидает Виктору:

— Продолжим в лаборатории через десять минут. Пусть сначала здесь разберутся.

И уже делает шаг в сторону, когда я говорю:

— Зачем в лаборатории?

Он оборачивается.

— Что?

— Если вы все равно здесь, давайте сразу закроем все организационные моменты. Нам нужно обсудить проект, задачи, цели. То, что вам на самом деле нужно. А потом уже можно в лабораторию и куда прикажете.

Виктор Аркадьевич переводит взгляд с меня на Барского и обратно. Очень аккуратно, но я это замечаю.

Барский тоже.

— На завтра у нас запланировано интервью с директором завода, — говорит Виктор Аркадьевич.

— Отлично. Тогда давайте все обсудим сегодня. Например, после обеда. Или вы все еще не уверены, что мне можно доверять?

Тишина становится очень короткой и очень плотной.

У Андрея на скулах снова проступает то самое напряжение, которое я уже видела вчера. Похоже, он не любит, когда его планы кто-то меняет.

— Вы слишком торопитесь, — говорит он.

— А вы хотите растянуть радость общения на месяцы?

У Виктора Аркадьевича даже палец на папке замирает.

Барский смотрит на меня долго. И от его взгляда мне вдруг снова становится жарко, совершенно не к месту.

Потом он кивает.

Коротко.

— После обеда, — говорит он. — В три. У меня в кабинете.

Я сжимаю каску под мышкой чуть сильнее.

— Хорошо.

— И Савельева?

— Что?

— Постарайтесь больше не подвергать свою жизнь опасности.

Я улыбаюсь.

Очень мило. Очень спокойно.

— Вы волнуетесь за меня, Андрей Анатольевич? Я тронута.

У него в глазах на секунду вспыхивает что-то опасное. И именно в этот момент сверху, с балки, раздается знакомое карканье.

Я поднимаю голову.

Крош сидит там, и создается четкое ощущение, что он надо мной смеется. Но моей ручки в клюве уже нет.

— Вот же гад, — вырывается у меня.

— Осторожнее, — сухо говорит Барский. — Он обидчивый.

— Да? Видимо, берет пример с хозяина.

Виктор Аркадьевич кашляет в сторону. Не уверена, но, кажется, он только что едва не усмехнулся.

Барский смотрит вверх, потом снова на меня.

— В три, — повторяет он.

И уходит к мастерам, даже не дожидаясь ответа.

Я стою посреди цеха с каской, с бешеным пульсом, с жаром под кожей и с абсолютным пониманием, что после обеда все станет только хуже.

Глава 7. Андрей

Я возвращаюсь в кабинет со жгучим желанием уволить полцеха. Несколько секунд стою посреди кабинета, сжимая и разжимая кулаки, потом беру себя в руки и выбираю альтернативный вариант: просто смотрю в стену и считаю до десяти.

Внутри все ходит ходуном. Раздражение, злость, бессилие смешиваются в один вязкий ком под ребрами. Ну надо же было этому криворукому водителю погрузчика так накосячить. И выбрать для этого самый подходящий момент, когда по цеху ходит журналистка, которую я сам же и нанял.

Я очень вовремя оказался рядом. Успел выдернуть ее из-под удара. При одной только мысли об этом живот сжимается короткой судорогой, но я сразу отбрасываю эти мысли в сторону. Она тут ни при чем. Любого бы выдернул. А вот прижал бы не любого. Так, все. Проехали.

Я прохожу к столу и упираюсь ладонями в край столешницы. И Виктор Аркадьевич удружил. Как можно было водить по заводу человека без каски? Я стискиваю зубы, под рубашкой между лопаток снова натягивается тугая, горячая злость.

Без каски, мать вашу.

Какого черта вообще кто-то в цехе без каски? Мне теперь по каждому цеху лично ходить и проверять, кто во что одет? Или повесить над входом табличку: «Если вы не в каске, значит, вы уволены»?

Я выпрямляюсь, беру со стола телефон и уже собираюсь вызывать начальника участка, когда экран загорается входящим.

Мама.

Черт. Ну совсем не вовремя. Я смотрю на экран несколько секунд, чувствуя, как раздражение пульсирует в кончиках пальцев, но к ней это не относится. Выдыхаю и принимаю вызов.

— Да, мам.

Голос у меня выходит суше, чем хотелось бы. Я слышу это сам и сразу ощущаю короткий укол раздражения на себя.

— Андрюша, ты занят? — спрашивает мама.

И все. Одной этой интонации хватает, чтобы внутри немного отпустило. Я откидываюсь в кресле, закрываю глаза на секунду и чувствую, как плечи опускаются.

— Уже нет. Что случилось?

— Ничего не случилось, не пугайся. Я просто хотела спросить, ты когда к нам приедешь? Мы с папой уже соскучились.

Я невольно выдыхаю чуть тише, чем обычно.

— В воскресенье не смогу, мам. Давай в пятницу?

— Хорошо, — она делает короткую паузу, и я уже понимаю, куда сейчас свернет разговор. — Ты с Олечкой приедешь? Мы с папой будем рады.

Я закрываю глаза и медленно провожу пальцами по переносице, растирая напряжение, которое разлилось под кожей. Олечка. Мы расстались два месяца назад, а маме я так и не сказал. Не хочу я все это объяснять. Не хочу слушать ее вздохи, осторожные вопросы и это обязательное материнское «А я сразу чувствовала, что что-то не так».

— Мам, у нее проект, — говорю я ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Она занята.

— Опять проект? — в голосе мамы появляется легкая грусть. — Вы оба все время занятые. Когда уже...

— Мам, — перебиваю я мягко, но сразу, пока она не разогналась. — Я приеду один. Хорошо?

На том конце короткая тишина. Она у меня лучшая. Давить не будет.

— Хорошо, сынок. В пятницу тогда?

— Да.

— Ладно, ждем. И береги себя.

Я усмехаюсь уголком рта, хотя она этого не видит.

— Берегу.

— Вот и молодец.

Она отключается, а я еще несколько секунд держу телефон в руке, глядя на потухший экран. С Ольгой мы расстались не потому, что «не сошлись характерами» и не потому, что кто-то из нас «остыл». Я такие формулировки терпеть не могу. Они для людей, которые любят красиво прятать дерьмо под мягкие слова.

Оля меня предала. Точка.

И больше я об этом думать не хочу. Особенно сейчас, когда у меня и без этого в голове слишком много лишнего.

Я кладу телефон на стол и в этот момент слышу знакомое хлопанье крыльев.

Крош.

Он влетает через приоткрытое окно, делает круг под потолком, садится на шкаф, потом спрыгивает на стол и с победным видом кладет передо мной ручку.

Тонкую, синюю, с серебристой вставкой и логотипом редакции.

Я смотрю на нее, а потом на Кроша. Он тоже смотрит на меня своим блестящим черным глазом, наклонив голову набок, и у меня абсолютно четкое ощущение, что эта пернатая шпана сейчас ухмыляется.

— Ты издеваешься? — спрашиваю я.

Крош переступает лапами и важно каркает. Коротко, гортанно, с явным удовольствием.

— Нет. Даже не начинай.

Я беру ручку двумя пальцами и швыряю ее в мусорную корзину. Крош провожает ее взглядом, потом молча спрыгивает вниз, ковыряется в корзине секунды три, выуживает ручку обратно и с торжественным видом снова кладет ее на стол. Рядом с ноутбуком. Очень аккуратно.

Я медленно выдыхаю сквозь зубы.

— Ты сейчас серьезно? Зачем она мне?

Крош каркает.

— Я не собираюсь хранить у себя ее ручку.

Кар.

— Это вообще ничего не значит.

Кар.

— И нет, я не буду ей лично ее возвращать.

На слове «лично» я осекаюсь сам, потому что это прозвучало как-то подозрительно адресно. Крош наклоняет голову и смотрит на меня с видом заговорщика.

Я беру ручку и на этот раз убираю в верхний ящик стола.

— Все. Доволен?

Крош издает короткий гортанный звук, который можно трактовать как угодно. Я предпочитаю трактовать его как согласие.

— Отстань.

В дверь стучат.

— Да.

Входит Виктор Аркадьевич. И по его виду сразу понятно, что хороших новостей можно не ждать. Ну давай, расскажи мне, как все сложно.

— Андрей Анатолич, — начинает он.

— Говорите.

Он делает шаг вперед, но не садится.

— Савельеву я проводил до столовой. Но у меня...

Он замолкает, подбирая слова. Я молчу тоже. Пусть соберется.

— Я хотел еще раз вернуться к вопросу о выборе журналиста для этого проекта, — говорит он наконец.

— Зря. Но раз уж вернулись, продолжайте.

Он не реагирует на сарказм. Никогда не реагирует.

— Она неудобная, — говорит он тихо, почти доверительно.

— Наблюдательное замечание.

— Она смотрит не туда, куда ее ведут. Слушает не то, что ей говорят, а то, что между слов. И задает вопросы так, будто уже заранее уверена, что где-то ее пытаются обмануть.

Он снова делает паузу, и я чувствую, куда он клонит.

— И фильм у нее получится совсем не тот, который мы закладывали изначально.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на него в упор.

— А какой вы закладывали, Виктор Аркадьевич?

— Управляемый.

Он говорит это без тени сомнения.

— Андрей Анатольевич, я сейчас не спорю ради спора. Я говорю о рисках. Она сует нос туда, куда не нужно. Если дать ей слишком много свободы, она снимет не витрину, а то, что обычно в нее не включают. И никто не знает, как это потом аукнется. Для переговоров, для партнеров, для имиджа.

Я медленно сцепляю пальцы на животе. Да. Именно это она и сделает. И именно поэтому мне, черт возьми, интересно. Потому что все остальные снимут красивуюдохлуюоткрытку. Чистую, безопасную, стерильную. А она может сделать по-настоящему. Живой фильм. Опасно живой, но настоящий.

— Я знаю, что она сделает, — говорю я.

— Тогда тем более...

— Нет, Виктор Аркадьевич. Это как раз причина оставить ее.

Он чуть меняет хватку на папке. Единственная эмоция, которую он себе позволяет.

— Вы уверены?

— Я уверен. И у меня есть одна мысль.

Он молчит, ждет. Я встаю, подхожу к окну и смотрю вниз. Во дворе мелькают люди. Савельева сейчас сидит в столовой. Наверняка уже мысленно режет меня на куски и склеивает из этих кусочков структуру фильма.

Прекрасно.

— Через две недели у нас в Ворсме Фестиваль народных промыслов, — говорю я, не оборачиваясь.

— Я помню.

— Подготовка идет полным ходом.

— К чему вы клоните?

А я уже разворачиваю в голове план. Ворсма — это другое поле. Не кабинет и не заводская экскурсия под присмотром Виктора. Ворсма — это природа, шум, люди, ремесленники, подготовка. Нормальная живая среда. Там гораздо лучше видно, кто умеет работать, а кто умеет только красиво задавать вопросы на фоне белых стен.

На заводе она уже ищет, где ей врут. Интересно, что она увидит там, где все живое и естественное.

— Завтра я отвезу ее в Ворсму, — говорю я, разворачиваясь к Виктору. — Покажем ей, чем еще живет завод, кроме канистр и спецжидкостей.

Виктор Аркадьевич смотрит на меня с непроницаемым лицом.

— Вы хотите включить в фильм фестиваль?

— Я хочу включить в фильм все, за что этот завод вообще имеет право себя уважать.

Он молчит несколько секунд, потом кивает.

— Подготовьте мне к вечеру все по Ворсме: график, сметы, кто отвечает на месте, что уже сделано, что в процессе.

— Принял.

— Что-то еще?

— Нет.

— Тогда идите работать.

Он выходит, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я остаюсь один. Прохожу к столу, сажусь, смотрю на ноутбук. Мысль о Ворсме уже пульсирует в голове. Интересно, как она впечатлится масштабом.

Я резко выдвигаю ящик, достаю ручку, кручу в пальцах и тут же швыряю обратно.

Да что ж такое.

На телефон приходит сообщение. Я смотрю на экран без особого интереса.

Савельева.

Левая бровь ползет вверх. Открываю.

«Андрей Анатольевич, меня не ждите. Планы изменились. Буду у вас завтра в 9.00»

Я перечитываю сообщение дважды. Потом медленно, против воли, улыбаюсь. Впервые за весь этот идиотский день.

— Вот зараза, — говорю вслух.

Крош тут же каркает из-под потолка.

— Да. Именно.

Я смотрю на экран еще раз. Упрямая, дерзкая, неуправляемая.

Прекрасно. Значит, завтра в девять.

Моя очередь менять правила.

Глава 8. Валерия

Из цеха я выхожу в полной уверенности, что все под контролем. Подрагивание пальцев, пересохшее горло, горячая волна под ребрами — не считается. Я этого просто не замечаю..

Это был не страх и не шок. Хуже.

Я до сих пор помню его руку у меня на спине, рубашку под пальцами, слишком горячее дыхание. И тот момент, когда все вокруг вдруг исчезло. Осталась только черная ткань, горьковатый запах одеколона и бешеный пульс.

Черт.

Виктор Аркадьевич провожает меня до столовой и уходит. Я быстро прохожу мимо столиков, сворачиваю в туалет, захлопываю за собой дверь и только тогда позволяю себе нормально выдохнуть.

Точнее, пытаюсь. Воздух все равно как будто застревает в груди. Я подхожу к раковине, открываю воду и подставляю ладони под холодную струю. Потом запястья. Из зеркала на меня смотрит женщина, которая очень старается выглядеть собранной. Пока выходит так себе. Щеки горят, глаза какие-то слишком яркие.

— Ну и что это было? — спрашиваю я у себя вполголоса.

Отражение, как всегда, предательски молчит. Я упираюсь ладонями в край раковины и закрываю глаза.

Да что со мной не так? Это был не поцелуй, не признание и не конец света. Меня просто выдернули из-под канистр. Тогда почему внутри до сих пор так коротит?

— Соберись, — говорю я себе уже жестче. — Просто соберись.

Открываю глаза, беру бумажное полотенце, промокаю руки. В три идти к нему в кабинет нельзя. Нельзя ни в коем случае. Нельзя, чтобы он заметил все это. То, что меня выбило из колеи. То, что меня шатает, что я до сих пор слишком остро помню, как он меня держал.

Нет уж. Этого удовольствия я ему не доставлю.

Я достаю телефон и несколько секунд просто смотрю в экран. Потом быстро набираю сообщение, пока не передумала.

«Андрей Анатольевич, меня не ждите. Планы изменились. Буду у вас завтра в 9.00». Смотрю на текст.

Сухо. Нормально. По делу.

Без объяснений и без шанса почувствовать себя победителем.

Отправляю.

Теперь можно выдохнуть и поехать готовиться к завтрашнему дню.

В редакцию я приезжаю через сорок минут, и к этому моменту злость внутри уже не кипит, а оседает тяжелым слоем по краям.

У нас, как всегда, аврал. Шумно, тесно, кто-то орет, кто-то бежит, кто-то уже ненавидит мир и дедлайн.

На входе Мишка из новостей чуть не врезается в меня с кофе.

— О, Савельева. Ты чего такая?

— Какая?

Он смотрит внимательнее.

— Как будто тебе сначала повысили зарплату, а потом сказали, что это была шутка.

— Примерно так и было.

— Жутко. Сочувствую.

— Очень своевременно.

Я прохожу дальше, бросаю сумку на стул и понимаю, что нужную папку вообще не взяла. Хватаю флешку и понимаю, что не моя. Открываю ноутбук и секунд десять просто смотрю в экран, не понимая, зачем села.

Очень профессионально, Лера. Просто блеск.

В дальнем углу орет монтажер:

— Я не волшебник! Если звук умер, я его не воскрешу!

Катя-корректор шипит кому-то за перегородкой:

— Еще раз напишешь “в течении” — и я тебя придушу.

Женька из фото отдела машет мне рукой. Я машу в ответ, потом дважды открываю не тот файл, потом наливаю себе кофе и делаю слишком большой глоток. Горячо.

Все просто замечательно. Нужно работать. Нужно перестать вспоминать, как у Барского дернулась мышца у виска, когда он на меня смотрел сверху вниз.

Хватит. Работа прежде всего.

Я открываю заметки и пишу:

Проект Барского.

Цели.

Завод.

Маришут.

Что скрывают.

Что хочет спрятать.

Что делает сам.

На последней строчке замираю.

— Ну что, — раздается рядом знакомый голос. — Живая?

Я поднимаю глаза.

Вадим Лысенков.

Ну, конечно. Куда ж без тебя.

Он стоит с кофе, в идеально сидящей рубашке, свежий, гладкий, собранный и до отвращения уместный.

— Смотря для кого, — отвечаю я.

— Для начала для нового отдела.

Я откидываюсь на спинку стула.

— Ты сейчас хочешь поговорить об этом или просто мимо проходил?

Он вежливо улыбается. Почти по-дружески.

— Я вообще-то хотел по-человечески спросить, как у тебя дела с твоим новым проектом.

— Замечательно. Великолепно. Выбирай любое.

— То есть сложно.

— То есть не твое дело.

Он делает глоток кофе и, конечно, не уходит. Такие, как Вадим, никогда не уходят вовремя. Они чувствуют, где у человека болит, и считают это приглашением к беседе.

— Семеныч сегодня на взводе, — говорит он. — Видимо, инвесторы опять хотят все и сразу.

— Какой неожиданный вывод.

— Я серьезно. Под такие истории им нужен человек с холодной головой.

Я медленно перевожу на него взгляд.

Вот. На-ча-лось.

— Спасибо, Вадим. Всегда приятно, когда коллега готов поддержать.

Он ставит кружку на край моего стола. И уже за одно это хочется ткнуть его этой кружкой в лоб.

— Лер, ты во многом сильна, спору нет. Но с большими заказчиками иногда надо не давить, а держать дистанцию. Не реагировать на каждый выпад. Не принимать все так близко.

Я смотрю на него секунды три.

Потом очень спокойно спрашиваю:

— Ты сейчас откуда это все знаешь? Из личного опыта или из методички “как звучать умно, когда тебя не спрашивали”?

У него дергается щека. Совсем чуть-чуть.

Попала.

— Я к тому, что в таких проектах важна управляемость.

— А. Вот оно что.

— Что?

— Ты уже мысленно себя назначил.

— Я мысленно себя не назначаю, — говорит он и снова улыбается той самой мягкой улыбкой, от которой хочется отмыться. — Я просто понимаю, как устроены такие решения.

— Да? А я вот понимаю, как устроены такие разговоры. Обычно их заводят люди, которым очень хочется заранее занять место повыше.

Он наклоняет голову.

— Ты сегодня нервная.

И вот именно это хуже всего.

Не “злая”, “резкая”, “уставшая”. Нервная.

Как будто он видит. Как будто Барский тоже видел.

У меня под кожей мгновенно вспыхивает злость: на Вадима, на себя, на этот чертов день, на проклятый цех, на канистры, на Барского, на его руки, на собственное дурацкое тело, которое решило запомнить все слишком подробно.

— А ты сегодня сохранился с утра, — говорю я. — Я бы на твоём месте уже давно этот разговор закончила.

Он чуть прищуривается.

— Ладно. Не кипятись.

— Исчезни.

— Только не обижайся потом, если инвесторы выберут не талант, а стабильность.

— Только не перепутай стабильность с унынием, Вадим.

Он берет свою кружку и наконец уходит.

Я смотрю ему вслед и с таким усилием сдерживаюсь, что начинает болеть челюсть.

— Мразь, — говорю себе под нос.

— Кто? — высовывается из-за монитора Катя.

— Все, — отвечаю я.

Она кивает.

— Аргументированно. Люблю, когда позиция четкая.

Я беру телефон и проверяю, не ответил ли Барский. Ничего.

И почему-то это раздражает отдельно.

То есть сообщение он прочитал и просто решил промолчать. Великолепный, взрослый, чрезвычайно воспитанный человек.

Я бросаю телефон на стол чуть сильнее, чем надо.

Работать. Надо работать.

Я открываю чистый документ и начинаю писать вопросы к завтрашнему интервью.
Почему вам так важно контролировать все лично?

Нет, это пока рано.

Удалить.

Почему вы выбрали именно формат фильма, а не стандартную презентацию?

Нормально.

Что вы хотите скрыть за идеальной картинкой завода?

Нет, это уже не вопрос, а попытка воткнуть вилку в розетку.

Удалить.

Что для вас в этом проекте важнее — правда или управляемость?

Я замираю над этой строчкой.

Вот это уже ближе.

Потом открываю вкладку с заметками по новому отделу, с требованиями, с идеями, с тем, чего мне не хватает в портфолио, и впервые за день начинаю дышать чуть ровнее.

Потому что вот оно. Вот зачем все это.

Не Барский, не его кабинет, не эта дурацкая физика, которая случается со мной рядом с ним. А проект. Фильм. Шанс. Мой шанс.

К вечеру редакция чуть выдыхается. Не успокаивается, но хотя бы перестает орать на полной громкости. Я понимаю, что здесь уже не соберусь, забираю ноутбук и еду домой.

Дома я первым делом скидываю туфли, распускаю волосы и снова зависаю перед зеркалом.

Ничего не видно. И слава богу.

Я умываюсь, переодеваюсь в футболку и домашние штаны, сажусь за стол, открываю ноутбук и раскладываю перед собой блокнот, телефон, ручку.

Вопросы постепенно собираются во внятную структуру. Не идеальную, но уже рабочую. Я пишу, вычеркиваю, переставляю местами, снова возвращаю.

Завод.

Фильм.

Социальные проекты.

Реальные цели.

Что он хочет показать.

Что он боится показать.

На слове “боится” я снова останавливаюсь. Потом медленно выдыхаю и исправляю на:

Что предпочитает не афишировать.

Так лучше, точнее.

За окном темнеет. На кухне тихо щелкает чайник. Телефон молчит. Барский тоже молчит. И это, наверное, к лучшему.

Я закрываю ноутбук, подхожу к зеркалу еще раз и распускаю волосы.

Смотрю на себя еще раз. Уже гораздо спокойнее. Уже без этого дурацкого жара под кожей.

Почти.

— Завтра, — говорю я своему отражению. — Я разорву тебя, Барский.

Глава 9. Валерия

Сегодня я собралась на удивление быстро.

День будет понятный и пройдет по моим правилам. Я задаю вопросы — он отвечает. Никаких неожиданностей. Я в своем мире, где все управляемо, предсказуемо и подчинено одной цели: взять интервью и получить крутой материал.

Я надеваю платье, в котором мужчины обычно делают одну и ту же ошибку: расслабляются раньше времени. На ноги босоножки на высоком каблуке. Я люблю так делать перед острыми интервью. Это сбивает собеседника: он видит девушку в платьице и на шпильках, расслабляется, перестает ждать подвоха. А потом я начинаю задавать вопросы. И вот тут обычно начинается самое интересное.

Перед зеркалом я задерживаюсь на пару секунд дольше, чем нужно. Платье сидит идеально. Волосы распущены. Сережки маленькие, но заметные. Я не стараюсь ему понравиться, я просто работаю. И выгляжу так, чтобы это помогало работе.

На завод я приезжаю вовремя. В 9.00 уже стою в приемной Барского.

Настрой боевой. В сумке блокнот, ручка, диктофон и список вопросов. Хороших, выверенных вопросов. Я перечитывала их сегодня утром три раза и каждый раз улыбалась. Посмотрим на его реакцию. Посмотрим, как он будет выкручиваться.

У меня даже дыхание перехватывает от предвкушения. Собеседник, блокнот и диктофон — это моя стихия. Здесь я не теряюсь, не краснею, не вспоминаю школьные обиды. Здесь я профи. Сегодня у Барского шансов нет.

Секретарь поднимает на меня глаза.

— Валерия? Проходите, Андрей Анатольевич вас ждет.

Я поправляю сумку на плече, киваю и захожу.

Кабинет встречает меня запахом кофе и бумаги. Андрей стоит у окна. На подоконнике, боком ко мне, сидит Крош и смотрит в стекло с видом уставшего начальника отдела кадров.

Рядом с диваном стоят две пары резиновых сапог. Черные, высокие, блестящие, видимо, совсем новые.

Я смотрю на сапоги. Потом на Барского. Потом снова на сапоги. Внутри закрадывается смутное сомнение. Зачем здесь резиновые сапоги? В каком-то цехе прорвала трубу, и он мне хочет показать потоп?

— Доброе утро, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Начнем интервью?

Он оборачивается.

— Доброе. Обязательно начнем. Но не здесь.

Медленно поправляю сумку на плече.

— В смысле, не здесь? А где?

Моя уверенность в сегодняшнем дне рассыпается на молекулы. Я не люблю сюрпризы. Не люблю, когда планы меняются в последнюю секунду. Я готовилась к кабинету, к столу, к диктофону между нами.

— Мы едем в Ворсму, — говорит он спокойно, как будто я и сама должна была об этом догадаться.

— Куда, простите?

— В Ворсму.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Крош на подоконнике коротко каркает, с явным злорадством.

— Барский, вы издеваетесь? Мы так не договаривались. Зачем мне Ворсма?

Он отходит от окна и останавливается напротив. Руки в карманах брюк. Уверенное и чуть насмешливое выражение лица, как у человека, который уже все решил.

— Моя компания — это не только завод и моторные масла.

— Да, еще спонсорство детского клуба самбо, фестиваль народных промыслов и... — я замолкаю, потому что до меня доходит. — Вы что, хотите отвезти меня туда? Сейчас?

— А почему нет?

— Потому что у нас сегодня интервью. Потому что я готовилась. Потому что я, черт возьми, не в той обуви!

Он опускает взгляд на мои босоножки, потом поднимает обратно. Лицо у него при этом такое, будто он только что услышал очень смешную шутку, но смеяться не будет из принципа.

— Это поправимо. Примерьте сапоги.

— Эти? Категорически нет.

— Там грязно. И, скорее всего, будет дождь.

— Я не поеду.

Он молчит и смотрит прямо на меня. Я понимаю, что он совершенно спокоен, потому что знает: я поеду.

Вот же гад.

Крош спрыгивает с подоконника, перелетает на спинку кресла и садится там, как маленький черный директор на оперативке.

— Вы хорошо осведомлены о наших проектах, — говорит Барский.

— Это моя работа.

— Тем лучше. Значит, ты справишься.

Я замираю на секунду. Ты. Мы перешли на «ты»? С какого перепугу?

— Мы перешли на «ты»? — переспрашиваю я вслух.

— Да брось, — он пожимает плечами, как будто это вообще не тема для разговора. — Зачем все эти условности? Будь проще, Лер. Тем более на природе. Переобувайся.

Я смотрю на резиновые сапоги. Потом на свои босоножки. Потом на Барского.

— В это? Ну уж нет. Обойдусь как-нибудь.

— Хорошо. Возьмем с собой.

Он поднимает сапоги одной рукой и направляется к выходу.

— Даже не думай! Они сорок пятого размера, а у меня тридцать восьмой.

— Не преувеличивай, они сорок первого. Не на много больше.

Я хочу топтать ногами. Хочу орать, что так не честно, что у меня был план, что я не для того готовилась, чтобы сейчас ехать черт знает куда в резиновых сапогах на босую ногу.

Вместо этого я просто набираю воздух в легкие и медленно выдыхаю.

— То есть интервью отменяется?

— Ни в коем случае, — он говорит это так спокойно и так уверенно, что я почти ему верю. — У нас будет больше часа в машине и на месте. Просто не за столом, а во время прогулки.

Крош каркает. Я готова поклясться, что он смеется.

Машина у Барского большая, черная и пахнет кожей. Я сажусь на заднее сиденье. Пусть будет дистанция.

Крош сидит в переноске, которая пристегнута ремнем к заднему креслу. Переноска открыта, он может вылезти, но почему-то сидит и сверлит меня взглядом.

— И зачем он с нами? — спрашиваю я.

— Мы едем на природу, это его стихия, — отвечает Барский, не оборачиваясь.

— На деловые встречи тоже с собой берешь?

— Не беру. Но здесь он может быть полезен.

Я решаю не спрашивать, в чем именно заключается полезность ворона на фестивале народных промыслов. Боюсь, что ответ мне не понравится.

Первые десять минут я злюсь. Сажу, сложив руки на груди, и смотрю в окно. За стеклом проплывают дома, светофоры, какие-то машины. Я перебираю в голове список вопросов, кото-

рые готовила, и понимаю, что половина из них в машине не сработает. Вопросы про завод, про управление, про контроль будут звучать глупо, когда мы едем за город с вороном в переноске.

Я закрываю глаза. Надо собраться. Надо взять себя в руки.

— Лер, — говорит он через несколько минут. — Хватит дуться. Тебе же самой интересно, чем я еще занимаюсь.

— Мне интересна моя работа.

— Вот и работай.

Я открываю глаза. Смотрю на его затылок, на плечи, на руку, лежащую на рычаге коробки передач. Потом достаю диктофон и включаю его.

— Андрей Барский, вы часто берете журналистов в заложники?

Он смеется. Я вижу это в зеркале заднего вида.

— В первый раз.

— И как вам?

— Посмотрим.

Крош в переноске каркает. Я поворачиваюсь к нему.

— Тебя не спрашивали.

Он каркает снова и вылезает из переноски. Перебирается на спинку переднего сиденья, садится там и смотрит на меня сверху вниз.

— Он будет так делать всю дорогу? — спрашиваю я.

— Скорее всего.

— Прекрасно.

Я откидываюсь на спинку сиденья. Платье задирается чуть выше колена, я одергиваю его и думаю о том, что через час буду ходить по грязи на десятисантиметровых каблуках. Или надену эти дурацкие сапоги. И буду выглядеть как в анекдоте: платье от кутюр, ноги в резиновых сапогах.

Город остается позади. За окном проносятся поля, деревья, небольшие деревеньки.

— Во сколько мы вернемся? — спрашиваю я.

— Все в твоих руках. Может, тебе так понравится, что решишь остаться до утра. — улыбается Барский.

— Не дождешься.

Крош каркает.

— Смейся-смейся, — говорю я ворону. — Я тебе припомню.

Мы въезжаем в лес. Дорога становится уже, асфальт сменяется грунтовой. Машину начинает потряхивать. Я вцепляюсь в сиденье, потому что на этих каблуках даже сидеть на кочках — отдельное удовольствие.

— Мы скоро приедем? — спрашиваю я.

— Через пять минут.

— Слава богу.

Крош перелетает с переднего сиденья на подголовник моего кресла. Я чувствую, как его когти скребут кожанам прямо у моего уха.

— Сядь нормально! — говорю я.

Он не садится. Он наклоняет голову и заглядывает мне в лицо. В упор.

— Он оценивает, — спокойно говорит Андрей.

— Кого?

— Тебя. Он так делает, когда решает, хороший человек или нет.

— И как, хороший?

Крош каркает. Коротко, как будто говорит «посмотрим».

— Так я и думала, — вздыхаю я.

Машина останавливается. Я выглядываю в окно. Вокруг лес, поляна, несколько деревянных домиков. Вдалеке что-то строят — стучат молотки, перекликаются люди.

— Приехали, — говорит Андрей и выключает двигатель.

Я сижу еще секунду, собираясь с духом. Потом открываю дверь. Выхожу и сразу по щиколотку проваливаюсь в мягкую, но абсолютно реальную грязь.

— Черт! — говорю я, балансируя на одной ноге.

Крош вылетает из машины следом, делает круг и садится на крышу. Я готова поклясться, что он злорадствует.

Андрей подходит ко мне, достает из багажника сапоги и молча ставит их передо мной.

— Я их не надену, — говорю я.

— Дело твое, — он пожимает плечами и идет вперед, даже не оборачиваясь.

Я смотрю на его спину, на свою правую туфлю, которая теперь напоминает шоколадный эклер. Потом перевожу взгляд на сапоги. Черные, резиновые, совершенно уродские.

Крош каркает. Кажется, он говорит: «Я же предупреждал».

Я медленно выдыхаю.

— Ну все, — говорю я себе. — Приехали.

Сапоги велики. Пальцы внутри болтаются, пятка ерзает, но это лучше, чем убивать туфли в первый же час.

Я забираю из машины сумку, вздыхаю и иду за Барским.

Крош сидит на капоте и ждет.

— Проводишь? — спрашиваю я его.

Он каркает и взлетает в сторону леса.

— Барский! — кричу я. — Твой ворон сбежал!

— Он знает дорогу, — доносится из-за деревьев.

Я смотрю на свои резиновые ноги, на лес, на небо и иду вперед.

Потому что работа есть работа.

И потому что этот чертов фестиваль, этот чертов Барский и эта чертова птица еще узнают, с кем связались

Глава 10. Валерия

Я с трудом догоняю Барского. Сапоги слетают и это раздражает. Но еще больше меня раздражает Барский.

Он идет впереди по деревянному настилу между павильонами, кивает людям, бросает короткие фразы, что-то спрашивает на ходу, где-то тормозит на секунду, где-то тут же принимает решение. И мне постепенно становится очень неудобно от одной простой мысли: его здесь реально уважают.

Не боятся, не делают вид и даже не изображают деятельную любовь к начальству. Они его уважают. Это видно по мелочам. По тому, как к нему подходят без суеты. По тому, как слушают. По тому, что он никого не строит ради красивого эффекта, а говорит по делу и сразу в точку.

Я иду следом, стараясь не смотреть на него слишком внимательно. Получается плохо.

У дальнего навеса двое мужиков спорят из-за разгрузки досок. Андрей подходит, смотрит секунд пять, задает два вопроса и решает все за полминуты, не повышая голоса. Один уходит звонить, второй уже тащит рулетку.

— Слушай, а это сюда не встанет, — говорит ему кто-то из рабочих.

— Встанет, если ты посмотришь с другой стороны. Попробуй повертеть, переверни, наконец, — отвечает Андрей.

И самое противное, тот не обижается. Усмехается и идет делать.

Я замедляю шаг. Что-то у меня не сходится.

В кабинете он выглядит человеком, который всегда прав, всегда главный и слушает других только из вежливости. Если вообще слушает. А здесь у него даже глаза другие. Жесткие, да. Но живые. И когда он смотрит на всю эту стройку, настилы, столбы, озеро, людей с ящиками и мотками проводов, у него взгляд человека, которому это все по-настоящему нравится.

Упс. А это уже неприятное открытие. Не такой уж он самодовольный самодур, как мне хотелось думать.

Я тут же одергиваю себя. Стоп, Лера, соберись. Сейчас еще начни его уважать, потом искать оправдания и подсвечивать его поступки с лучшей стороны. В этом случае можно сразу увольняться в связи с профнепригодностью.

— Андрей Анатольевич, — говорю я ровно, когда он наконец останавливается у длинного резного стола под навесом. — Если экскурсионная часть окончена, я бы хотела приступить к интервью.

Он переводит на меня взгляд.

— Тебе не нравится прогулка на свежем воздухе? Странно. В школе, насколько я помню, ты любила походы.

— Это не имеет значения. Я на работе и предпочла бы приступить к своим непосредственным обязанностям.

Уголок его рта дергается.

— Ох, как все серьезно. Ну тогда садись. У тебя есть целый час, чтобы спросить меня обо всем, что тебя интересует. И я не женат, если что.

— Вот это меня абсолютно не интересует. Ты не в моем вкусе, Барский.

Я сажусь за стол и только сейчас чувствую, как у меня горят уши. Этого еще не хватало. Хорошо, что под волосами не видно. Я достаю блокнот с ручкой и диктофон. Рядом на лавку с важным видом плюхается Крош и смотрит на меня как инспектор по качеству. Я на всякий случай держу ручку крепче.

Через минуту две милые улыбочивые женщины лет шестидесяти приносят нам тарелку с блинами, несколько пиал с вареньем, сметану и графин компота. Я смотрю на это с подозрением.

— Кушайте с удовольствием, — добродушно произносит одна из женщин, многозначительно улыбается, и они обе удаляются.

Я моргаю.

— У тебя интервью всегда проходит с таким размахом?

— Обычно я не даю интервью, так что у тебя эксклюзив, — отвечает Барский явно с каким-то подтекстом. — А подкрепиться на природе всегда приятно. Попробуй.

Я вздыхаю и беру блин, свернутый аккуратнo в трубочку. В этот момент Крош прыгает рядом на стол, резко вытягивает шею, цапает блин и взмывает с ним на навес.

Я смотрю на пустые пальцы. Потом наверх. Потом на Барского.

— Это был мой блин — говорю я.

— Да, — невозмутимо отвечает Андрей.

— И ты считаешь это нормальным?

— Я считаю, что нужно быть всегда готовым к неожиданностям. Особенно журналисту. Разве нет?

Я смотрю на него испепеляющим взглядом. Он берет себе другой блин и как ни в чем не бывало макает в варенье.

Хочется придушить его собственными руками. Но нет, я не позволю ему вывести меня из равновесия.

Я раскрываю блокнот и уже набираю воздуха, чтобы задать первый вопрос, когда на стол с мокрым шлепком плюхается маленькая зеленая лягушка.

Я застываю.

Потом медленно поднимаю глаза на Кроша.

Он сидит наверху, очень довольный собой.

— Это справедливый бартер, — говорит Барский.

— Это издевательство.

Лягушка делает один прыжок, второй, я инстинктивно поджимаю ноги под лавку и слышу собственный совершенно непрофессиональный писк.

Андрей отворачивается и кашляет в кулак. Он что, тихо смеется? Сволочь.

Я сижу, пытаюсь взять себя в руки. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки от злости и невозможности контролировать ситуацию.

В этот момент к нам подходят двое рабочих с вопросом по размещению павильонов. Потом еще один с какими-то ключами. Потом звонит телефон. Потом мимо пробегают мальчишка и кричит Андрею что-то про качели в детской зоне.

Я закрываю блокнот.

— Потрясающе, — говорю я. — Это самое продуктивное интервью в моей жизни.

Барский смотрит на меня внимательно, потом кивает.

— Поехали на другой берег.

— Зачем?

— Там очень красиво и тихо. Никто не будет отвлекать нас.

— И эта наглая птица?

— Думаю, мы с ним договоримся.

До другой стороны мы не доезжаем.

Барский давит на тормоз так резко, что Крош сзади возмущенно хлопает крыльями, а я вцепляюсь в дверцу и шиплю сквозь зубы что-то очень непечатное.

— Что опять? — спрашиваю я.

— Форс-мажор.

Я смотрю вперед.

Поперек дороги валяются бревна. Длинные, мокрые, тяжелые. Некоторые уже скатились в канаву, остальные лежат так плотно, что объехать их можно только на вертолете. Рядом мнется мужик в кепке и с таким спокойным лицом, будто все по плану.

Барский выходит первым, и я выбираюсь следом, придерживая платье.

— Лесовоз растрясло, — объясняет мужик, даже не дожидаясь вопроса. — Водила пошел трактор искать. Тут быстро не будет.

Я поднимаю голову к небу, и оно перестает мне нравиться. Серая муть сгустилась в низкие тяжелые тучи, и воздух стал каким-то слишком плотным, будто перед грозой.

— Так, стоп, — говорю я. — Ты же сейчас не скажешь «ничего страшного, пройдем пешком», правда?

Барский молчит.

Я закрываю глаза.

— Андрей.

— Тут недалеко.

— Нет.

— Лера.

— Нет.

— Каких-то пятьсот метров.

— В таких историях всегда все начинается со слов «да тут недалеко», а заканчивается... ничем хорошим это не заканчивается, Барский.

Мужик открыто улыбается. Барский смотрит на меня спокойно, и это спокойствие бесит отдельно.

— Если пойдем сейчас, успеем туда и обратно до серьезного дождя.

— А если не успеем?

— Тогда будем решать по ситуации.

— Ооо, это прям обнадеживает.

Крош перелетает на ближайшую сосну и садится на нижнюю ветку, наблюдая за нами сверху.

Я смотрю на него, потом на бревна, потом на озеро, которое мелькает где-то между стволами. Оно темное, спокойное, и кажется, что совсем близко.

И почему-то я соглашаюсь. Что-то мне подсказывает, что зря.

Тропинка сырая, в траве уже собирается вода. Сапоги хлюпают на каждом шагу, платье липнет к ногам, а Барский идет так, будто все это доставляет ему удовольствие. Широко, уверенно, не глядя под ноги. Я иду следом осторожно, мелкими шагами, потому что в этих дурацких сапогах на босу ногу я чувствую каждую кочку.

— Ты молчишь, — замечает он.

— Я экономлю силы на то, чтобы не проклинать тебя вслух каждые две секунды.

— Самообладание — твоя сильная сторона.

— Барский, лучше помолчи сейчас.

Он на секунду поворачивает голову, и я ловлю его взгляд. Там снова это короткое, опасное веселье. Как будто ему по-настоящему нравится, что я здесь. Что я иду по грязи, злюсь, огрызаюсь, но все равно иду.

Наконец, деревья расходятся, и мы выходим к воде.

Я останавливаюсь сама. Красиво — не то слово. Широкая гладь, пустой берег, деревянные сваи, вбитые прямо в воду. Тихо так, что слышно только ветер и далекий стук где-то со стороны площадки. И все это под небом, которое с каждой секундой становится все ниже и тяжелее.

— Здесь будет экодережня, — говорит Андрей. — Небольшая. Для людей, которые хотят тишины, а не пьяных шашлыков.

Я поворачиваюсь к нему.

— Ты об этом так говоришь...

Он смотрит на воду.

— А как, по-твоему, я должен говорить?

И вот тут меня накрывает очень странной мыслью: ему это действительно важно. Не ради денег, не ради картинки, не ради отчета. Важно.

Крош срывается с сосны и начинает носиться над водой, над нами. Летает низко, резко, каркает как-то тревожно, зло. Как будто предупреждает.

У меня холодеет под ребрами.

— Андрей.

Он уже и сам смотрит на тучи. Там, за лесом, небо почернело окончательно, и оттуда тянет холодом и сыростью.

— Возвращаемся, — говорит он коротко.

Мы разворачиваемся. И в этот момент над озером бьет молния. Не где-то далеко, а прямо рядом. Свет режет по глазам так, что я на секунду слепну, а следующий удар грома приходит сразу, без паузы, — тяжелый, близкий, такой, что внутри все обрывается.

Я вздрагиваю, делаю шаг назад, и под ногой уходит мокрая земля. Сапог скользит, нога едет, руки летят в стороны.

Барский ловит меня в последний момент. Одной рукой за плечи, второй — за талию. Прижимает к себе резко.

— Стоять, — говорит он, и я замираю.

Дождь обрушивается сразу. Не начинается, а именно обрушивается. Крупный, тяжелый, ледяной. За секунду волосы липнут к лицу, платье намокает насквозь, ткань прилипает к ногам, и я понимаю, что сейчас выгляжу как мокрая курица в резиновых сапогах.

Крош орет где-то сверху. Барский смотрит на берег, на лес, на тропу, размазанную дождем в серое месиво. Я вижу, как он просчитывает варианты — быстро, жестко, без паники. Но в первый раз за все время я замечаю, что он напряжен по-настоящему. Плечи жесткие, челюсть сжата.

Плохо. Очень плохо. Потому что, если Барский перестал делать вид, что все под контролем, значит, у нас действительно проблемы.

Он снова смотрит на меня. Вода течет у него по лицу, рубашка прилипла к груди и плечам, глаза стали темнее и жестче.

— До машины не дойдем, — говорит он.

Я хочу спросить что-то еще, но не успеваю.

Молния бьет так близко, что воздух вокруг нас трескается. Я вскрикиваю и инстинктивно вжимаюсь в него.

И в ту же секунду где-то совсем рядом с треском ломается дерево.

Я дергаюсь всем телом.

Барский резко разворачивает меня и почти тащит вниз, под склон, закрывая собой от того, что с грохотом валится где-то за спиной.

Крош орет над нами так, что у меня внутри все сжимается в один ледяной ком.

— Не смотри назад, — говорит Андрей.

И вот теперь мне по-настоящему страшно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.